

18+

Проклятие

МАРИССА МЕЙЕР

Марисса Мейер

Проклятие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69546709

Проклятие:

ISBN 978-5-17-152295-7

Аннотация

Сиди тихо, и я расскажу тебе сказку...

В замке Адальхейд царит хаос.

Ольховый король полон решимости обмануть всех, взяв Серильду в жены. Вскоре становится ясно, что Эрлкинг использует девушку не только для того, чтобы вернуть свою настоящую любовь. Он также стремится отомстить богам, которые долгое время держали демонов в ловушке. Если Эрлкинг добьется успеха, это навсегда изменит мир смертных.

Серильда хочет обратить свой дар рассказчицы во благо и помочь принцу Злату вспомнить тайну его настоящего имени. Смогут ли они разрушить чары, привязывающие их души к замку, прежде чем проклятие Бесконечной Луны падет на них?

Содержание

Летнее солнцестояние	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	42
Глава 5	50
Глава 6	64
Глава 7	82
Глава 8	93
Глава 9	108
Глава 10	118
Громовая луна	130
Глава 11	130
Глава 12	145
Глава 13	154
Глава 14	170
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Марисса Мейер

Проклятие

Copyright © 2023 by Rampion Books, Inc.

©Е. Мигунова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Эта история
для писателей, мечтателей, творцов.
От одной рассказчицы —
к другим*

А теперь сидите тихо, и я расскажу вам историю. Начинается она давным-давно в Ферлорене, в краю ушедших. С тех самых времен, как первых людей стали хоронить в сырой плодородной земле или отправлять в море на плотах с погребальными кострами, их души отправлялись в Ферлорен. Найти его помогал вечный фонарь Велоса, бога мудрости и смерти. Их забирали туда, где они могли отдыхать, мечтать и – раз в год, на Скорбную Луну – возвращаться в царство мертвых в виде духов, чтобы провести одну ночь среди близких, оставшихся на земле.

Нет, нет, конечно, больше так не бывает. Это было очень давно. Тише, слушайте дальше.

Хотя подземным миром всегда правил Велос, в незапамятные времена этот бог был там не один. По его темному царству бродили чудовища, а духи наполняли пещеры смехом

и песнями.

А еще были демоны. Злые существа, воплощение всего грязного и жестокого, сотворенные из греха и позора смертных. Когда люди проходили через врата в Ферлорен, из них постепенно, шаг за шагом, вытекали их стыд и отчаяние, пятная мост, соединявший два наших мира, и капали в реку под мостом. Вот из этих-то отравленных вод и родились демоны, воплощения красоты, сотканые из стенов и скорби, из тайн и постыдных деяний, которые смертные, умирая, уносили с собой. Сейчас мы зовем этих демонов темными.

Шли века, их число росло, и со временем темные забеспокоились. Они жаждали независимости. Их тянула к себе жизнь за пределами тусклых пещер и туманных болот Ферлорена. Они пошли к Велосу и попросили у него дозволения отправиться в царство смертных, взглянуть на созвездия, попробовать на вкус соленый ветер, почувствовать прикосновение теплых солнечных лучей к своей ледяной коже.

Но Велос не внимал их мольбам, ведь даже боги могут совершить глупость.

А может быть, вовсе не глупость, а жестокость двигала богом, веками державшим демонов в заточении. Или, может быть, это была мудрость, ибо, рожденные нечестием, демоны не были способны ни на что, кроме зависти и жестокости. Возможно, бог уже знал правду: не место этим существам среди людей, которые – несмотря на множество

пороков – все же доказали, что могут вести жизнь, полную добра и великодушия.

Темные перестали просить свободы, а вместо этого – хитрецы – затаились и стали ждать.

Сотни лет они ждали.

Смотрели, и слушали, и замьшиляли.

Так все и шло своим чередом до одной Скорбной Луны, когда тучи сплошь затянули небо, совсем скрыв полную луну. Пока Велос держал над воротами свой фонарь, указывая заблудшим душам путь к возвращению в верхний мир, темные внезапно ринулись вперед. Они прорвались сквозь толпы ожидающих духов. Поубивали всех чудовищ, которые пытались их остановить. Подготовились они и к встрече с адскими гончими, любимыми слугами Велоса, – темные вырезали полосы из собственного тела, чтобы заманить гончих на свою сторону. Уловка сработала. Усмирив гончих и застигнув бога врасплох, демоны захватили мост.

В отчаянной попытке остановить их свору Велос превратился в огромного черного волка – поговаривают, что он и сегодня охраняет ворота Ферлорена в таком обличи. Зверь был страшен – размером с дом, с шерстью черной, как ночь, громадными торчащими клыками и двумя звездами, горящими, как пламя, глубоко в глазницах.

Но темные не испугались.

Один из них, тот, что стал впоследствии Эрлкингом, Ольховым Королем, поднял лук, который смастерил сам

из костей героев и сухожилий воинов. Из колчана он вынул стрелу: оперение ее было сделано из ногтей мертвых детей, а наконечник – из окаменевших слез их матерей.

Демон наложил стрелу на тетиву, прицелился и пустил ее в полет.

Прямым в сердце бога смерти.

Волк взревел и свалился с моста в пучину бурлящей внизу реки.

Там, куда упал Велос, стрела, пронзившая его сердце, глубоко вонзилась в дно реки и пустила корни. Она начала расти, минуя мост и пробив ворота. Огромное дерево, ольха, которая с тех пор тянется к небу.

Велос не умер в тот день, да и может ли бог вообще умереть? Но пока бог смерти бессильно лежал на дне реки, темные, торжествуя, ринулись наверх во главе со своим королем. В верхнем мире царила кромешная ночь. Потoki дождя лились на их прекрасные лица, а Скорбная Луна пряталась за молнией и громом, не желая видеть тех ужасов, которым суждено было обрушиться на мир смертных.

Летнее солнцестояние

Глава 1

Серильда закончила сказку и посмотрела, уснули ли наконец дети. Спустя минуту Никель открыл сонные глаза.

– А история уже кончилась?

Серильда наклонилась над ним.

– Тебе пора бы уже знать, – прошептала она, поправляя непокорный вихор его светлых волос, – что самые хорошие истории на самом деле никогда не кончаются. Я бы сказала, что «жили они долго и счастливо», – одна из самых лучших моих выдумок.

Мальчик зевнул.

– Может быть. Это хорошая выдумка, уж точно.

– Да, точно, – кивнула девушка. – Ну все. Спать пора. Завтра расскажу вам еще.

Без возражений Никель повернулся на бок, освободив немного места малышке Гердрут, зажатой между ним и Хансом. Фриш и Анна кое-как примостились в изножье кровати. Дети, все пятеро, взяли привычку спать в кровати Серильды, хотя каждому из них были выделены места в комнатах для слуг. Серильда не возражала. Было что-то такое в путанице их рук, ног и приоткрытых ртах, в голубоватых веках и сон-

ных жалобах, когда один стягивал с другого одеяло, – что-то, что наполняло ее сердце почти безмятежным покоем.

Она так любила этих детей.

Она всей душой сожалела о том, что с ними сделали. Чувство вины мучило ее непрерывно, ведь она знала, что это случилось из-за нее. Во всем виновата она, и ее язык-предатель, и истории, которые Серильда рассказывала и никак не могла остановиться. Воображение раз за разом уносило ее, заставляя вечно что-то выдумывать, сколько она себя помнила... но так и не принесло Серильде ничего, кроме неприятностей. Ничего, кроме судьбы, полной несчастий.

А самое худшее несчастье из всех – отнятая у этих чудесных детей жизнь.

Но ребята продолжали просить ее рассказать историю – разве она была в силах противиться? Она не могла отказать им ни в чем.

– Спокойной ночи. – Серильда натянула одеяло Никелю до самого подбородка, прикрывая пятно крови, просочившейся сквозь его ночную рубашку из дыры в груди на месте сердца, которое склевали нахткраппы, ночные вороны Эрлкинга.

Нагнувшись, она поцеловала Никеля в висок. Пришлось сдержаться, чтобы не поморщиться от прикосновения к его коже, холодной и немного скользкой. Казалось, даже самое нежное касание может проломить ему череп, таким хрупким выглядел малыш – совсем как осенние листья в детском ку-

лачке. Призраки не такие уж нежные существа: они ведь уже умерли, и больше им нельзя причинить вреда. Но они застревают где-то на полпути между телом, которое было у них при жизни, и разлагающимся трупом, и поэтому их оболочки как будто не могут решить, каких они формы и размера. Смотреть на призрака было все равно что смотреть на мираж, очертания которого меняются и расплываются в воздухе. Прикосновение к такому призраку ощущалось самой неестественной вещью в мире. Все равно что дотронуться до мертвого слизня, оставленного гнить на палящем солнце. Только... холоднее.

И тем не менее Серильда всем своим существом любила пятерых маленьких призраков, и, – пусть ее тело осталось далеко, запертое в замке с привидениями, пусть она больше не чувствовала биения собственного сердца, – никогда и ни за что она не позволила бы им узнать, как сильно ей хочется отпрянуть, когда кто-то из них обнимает ее или сует в ее ладонь свою маленькую мертвую ручонку.

Подождав и убедившись, что Никель заснул, – Гердрут тем временем принялась храпеть, удивительно громко для такой крохи, – Серильда слезла с кровати и погасила фонарь на прикроватном столике. Она подошла к витражному окну, выходявшему на окружавшее замок большое озеро, вода которого сверкала в лучах заходящего солнца.

Завтра летнее солнцестояние.

Завтра она выйдет замуж.

Легкий стук в дверь прервал мысли Серильды прежде, чем она впала в отчаяние. Она прошагала по ковру, стараясь ступать потише, чтобы не потревожить детей, и отворила дверь.

За дверью стоял Манфред, возница Эрлкинга и первый призрак, которого повстречала Серильда. Когда-то Манфред служил королю и королеве Адальхейда, но погиб в страшной резне, когда Эрлкинг и его темные поубивали всех обитателей и забрали замок себе. Манфред, как и многие другие, принял лютую смерть – его ткнули в глаз стальным долотом. Инструмент застрял в его черепе и торчал там до сих пор; из глазницы медленно, бесконечно капала кровь. За долгое время Серильда начала привыкать к этому зрелищу и приветствовала Манфреда с улыбкой.

– Я не ждала вас сегодня вечером.

Манфред поклонился.

– Его мрачность имеет честь пригласить вас.

Улыбка сползла с лица девушки.

– Ну конечно, – кисло кивнула она. – Но дети только что заснули. Дайте мне минутку.

– Не спешите. Я не против, пускай подождет.

Понимающе кивнув, Серильда закрыла дверь. Манфред и другие призраки вынуждены были прислуживать темным, но своих господ они ненавидели. При каждом удобном случае они пытались по мелочам досаждать Эрлкингу и его придворным. Хоть и мелкий, но все же бунт.

Серильда заплела длинные волосы в две косы. Ей пришло в голову, что многие девушки, собираясь к будущему супругу, пощипали бы себе щеки, чтобы прибавить румянца, или капнули бы на шею розовой воды. У нее же зародилось сильное искушение сунуть в чулок кинжал – вдруг представится возможность воткнуть его в горло суженому.

Она бросила на детей еще один взгляд, отмечая, что они не похожи на спящих. Слишком уж бледны, да и дышат слишком тихо. Лежа вот так, они выглядели совершенно мертвыми.

Пока голова Гердрут не склонилась набок и девочка не издала басовитый звук, похожий на шум мельничных жерновов.

Серильда закусила губу, чтобы не прыснуть, и напомнила себе, для чего она это делает. Ради них.

Только ради них.

Отвернувшись, она тихонько выскользнула за дверь.

Серильда хорошо помнила дорогу к покоям Эрлкинга, но все же была рада, что Манфред с ней: освещенные факелами коридоры, по которым они шли, были увешаны жутковатыми гобеленами с изображением ужасных сцен охоты, гончих и растерзанной добычи. Она привыкла к зловещим, навязчивым теням, заполнявшим залы замка, но сомневалась, что когда-нибудь сможет чувствовать себя здесь уютно и свободно. Это трудно, когда за каждым поворотом тебя может встретить ухмылка какого-нибудь темного или голод-

ный взгляд потусторонней твари.

Вскоре Серильде предстояло стать королевой этого места, но она подозревала, что даже и тогда вряд ли будет чувствовать себя в безопасности. Всевозможные упыри и прочие твари, поселившиеся здесь задолго до нее, строили надменные рожи и отпускали колкие замечания, давая понять, что с куда большей охотой обглодают ее кости, чем склонятся перед смертной королевой.

Она старалась не принимать это близко к сердцу.

– Все ждут не дождутся, когда церемония наконец останется в прошлом? – спросила Серильда у Манфреда, пока они пробирались через лабиринты залов.

– Вовсе нет, моя королева, – ответил Манфред своим обычным бесстрастным тоном. В противовес равнодушию темных – а возможно, отчасти как раз *из-за* него – слуги-призраки отнеслись к повышению положения Серильды вполне благосклонно. Многие, обращаясь к ней, уже употребляли королевские титулы – *Величество*, *Королева*, а иногда даже *Ваше Великолепие*. – Насколько я понимаю, для многих подготовка к свадьбе стала приятным отвлечением.

– Отвлечением? От чего же?

Призрак глянул на нее искоса здоровым глазом, тонкая усмешка заставила дернуться его седеющую бородку.

– От нашей жизни, – сухо пояснил он и, пожав плечами, добавил: – Или ее отсутствия.

Серильда нахмурилась. Хотя Манфред и многие призра-

ки были мертвы уже давно, целые столетия, но смерть до сих пор оставалась для них незаживающей раной. Во многих случаях буквально.

– Манфред, – медленно сказала она, – а ты помнишь, как служил бывшей королевской семье? Той, что правила здесь до прихода темных?

– Я мало что помню о прежней жизни в замке. Но я помню, что, – он надолго задумался, подбирая слова, а когда, наконец, заговорил, в его голосе звучала странная тоска, – был горд своей работой. Хотя, чем я гордился, не могу сказать.

Серильда мягко улыбнулась ему, и лицо Манфреда, как и всегда, тут же приобрело непроницаемое выражение. Ей хотелось продолжить, вызвать его на разговор, уговорить вспомнить хоть что-нибудь, что угодно – но это было бесполезно. Все воспоминания о бывшей королевской семье исчезли, когда Эрлкинг проклял принца и его имя, стерев саму память о нем с лица земли.

Пытаясь познакомиться с обитающими здесь призраками, Серильда обнаружила, что чем ближе кто-то был к королевской семье, тем меньше у него сохранилось воспоминаний о жизни до кровавой резни, устроенной Эрлкингом. Служанка, что отскребала в судомойне кастрюли и сковородки, почти полностью помнила прежнюю жизнь, а вот у тех, кто регулярно оказывался перед лицом короля и королевы или принца с принцессой, в памяти не осталось почти ничего.

Никто не догадывался, что принц до сих пор находился

здесь, среди них. Забытый принц.

Современным жителям Адальхейда он был известен как дух-золотильщик.

Другие называли его полтергейстом, духом-буяном. Пря-дильщиком золота.

Для Серильды он был просто Златом.

Озорным пареньком, который принял ее выдумки, кото-рый снова и снова превращал солому в золото, спасая ей жизнь. Он невольно создал золотые цепи, которыми Эрлкинг собирался захватить в плен бога.

У Злата отняли даже его собственные воспоминания. Он не мог вспомнить ничего. Ни своей жизни. Ни своей смер-ти. Ничегошеньки с того времени, как оказался под закляти-ем, стал духом-буяном, запертым в этом жутком месте, как в ловушке. Эрлкинг стер его имя из истории, даже из книг и с надгробий. Злат и не знал, что он принц, пока Сериль-да не поведала ему правду о том, что случилось с ним и его семьей. На нем лежало проклятие. Остальные были мертвы. Истреблены ради мести принцу, убившему великую любовь Эрлкинга – охотницу Перхту. Злат до сих пор скептически относился к этим рассказам Серильды.

Впрочем, Серильду это не волновало. Ей было все равно, как его зовут. Все равно, чей он сын.

Ей было не все равно, что Злат станет отцом ее будущего ребенка. Ей было не все равно, что когда-то в порыве отчая-ния она пообещала своего ребенка, чтобы он помог ей пре-

вратить солому в золото.

Ей было не все равно, что она была капельку в него влюблена.

Может быть – даже больше, чем капельку.

– Я полагаю, что вы были очень важной персоной, – сказала Серильда, проходя с Манфредом несколько гостиных одну за другой. – Важнее простого кучера, это точно. Судя по всему, камердинер короля. Или королевский советник. Потому и не можете многого вспомнить. Но я уверена, что у вас есть все основания для гордости.

Манфред молчал. Во время их ночных прогулок она понемногу рассказывала ему о том, что здесь произошло. О том, что случилось с королевской семьей. О том, что случилось с ним самим и со всеми, кому не посчастливилось оказаться в замке, когда Эрлкинг исполнил свою месть. Когда-то Серильда рассказывала эту историю и Злату, уверенная, что просто выдумывает сказку, но теперь-то она знала, что все это – чистая правда. Дар Вирдита, ее крестного отца, бога-сказителя, без сомнения.

Трагическое прошлое замка совсем не удивило тех, кто веками был вынужден прислуживать темным. Они знали – с ними случилось *что-то* ужасное. У многих на теле были раны – красноречивое доказательство. У кого-то сохранились и мимолетные воспоминания о прошлой жизни. По их одежде можно было понять, кто есть кто – от горничных и пажей до важных придворных, хотя для темных прежний ста-

тус ничего не значил.

Несложно было заключить, что эти люди служили королевской семье, когда Эрлкинг захватил власть и убил их всех, пускай они и не могли вспомнить ни лиц, ни имен своих монархов, ни того, как подданные к ним относились. Никто не знал, что Злат, назойливый дух-озорник, на самом деле их преданный забвению принц. И Серильда не смела открыть им правду. Она не могла доверять никому – слишком велик был риск, что об этом проведаст Эрлкинг. Приходилось молчать. Как ни располагали к себе многие из этих призраков, Серильда помнила, что души их принадлежат Эрлкингу. Хоть он и давал им некоторую свободу, но в конечном счете все они подчинялись ему.

Другого выбора у них не было.

То же самое относилось и к детям, которых она оставила спящими в своей комнате. Эрлкинг сделал вид, что дарит их Серильде. Маленьких слуг для его королевы. Но малыши были еще и его шпионами. Или могли бы ими стать, дай Серильда Эрлкингу хоть малейший повод шпионить.

В этом замке она не доверяла никому.

Никому, кроме...

Ее внимание привлек золотой отблеск впереди. Тонкая ниточка, обвитая вокруг свечи на одном из настенных канделябров. Крохотная искорка, мельчайшая деталь, заметить которую почти невозможно. Почти.

За последние недели Серильда привыкла замечать любую

мелочь.

Она выпрямила спину.

– Спасибо, Манфред, но нет необходимости провожать меня дальше. Отсюда я смогу добраться сама.

– Мне нетрудно, госпожа.

– Я знаю. Но мне необходимо научиться самой ходить по этому лабиринту, правда? И мне нужно время... собраться с духом.

На его лице промелькнула жалость.

– Как вам угодно, миледи. – Он низко поклонился. – Тогда я оставлю вас одну.

– Спасибо, Манфред.

Он удалился, все с той же нестигаемо-прямой спиной и той же размеренной поступью, как ходил всегда. Серильда невольно подумала, что Манфред – один из немногих настоящих джентльменов в этом замке, полном бездушных легкомысленных демонов.

Как только он свернул за угол, Серильда немного расслабилась. Она потянулась к подсвечнику и через верх сняла завязанную узлом золотую нитку. Намотав ниточку на палец, она осмотрелась.

Тишина и тьма.

– Выходи, Злат, – позвала Серильда, улыбаясь. – Я знаю, что ты здесь.

Глава 2

– Опять вызвали в королевские покои?

Голос раздался у Серильды за спиной, так близко, что она словно ощутила прикосновение щекочущего тепла к затылку. Она не испугалась. Она уже успела привыкнуть к внезапным появлениям Злата. Его дух, как и ее собственный, был проклят и привязан к этому замку, но Злат мог свободно перемещаться в его стенах, исчезая и вновь появляясь по своему желанию в любом месте. Этим чудесным трюком он пользовался часто – чтобы проказничать, подкрадываться к людям, подслушивать и шпионить. Особенно он любил выпрыгивать и пугать детей, а иногда даже проходил сквозь них – он ведь мог проходить сквозь призраков. Дети притворялись, будто сердятся, но втихомолку смущенно хихикали.

Он пытался научить этому искусству и Серильду, но все оказалось труднее, чем можно было подумать, глядя на нее. Пока у нее получилось только один раз, но и тогда, желая перенестись в спальню королевы, она вместо этого оказалась в кладовой, да еще и с ужасной головной болью.

Несмотря на то, что Злат находился совсем близко и она ощущала на коже его едва уловимое дыхание, в голосе его звучала нотка раздражения. С тех пор, как король впервые объявил о помолвке с Серильдой, Злат пытался скрыть от нее свою ревность, но чем ближе была свадьба, тем более

очевидной она становилась.

Врать ему было мучительно. Это была самая трудная ложь, которую ей когда-либо приходилось произносить.

Злат знал, что Эрлкинг пожелал смертную жену, чтобы она подарила ему ребенка. Злат предположил – и Серильда не разубеждала его, – что она так часто наносит визиты Ольховому Королю именно с этой целью, хотя от одной только подобной мысли ей хотелось содрать с себя кожу.

Чего Злат не знал, а Серильда не смогла бы ему сказать, так это того, что она *уже* ждет ребенка. Ждет с той самой ночи, когда Злат прижался к ее губам своими, покрывая поцелуями ее подбородок, горло, выпуклости ее груди. Они были близки лишь однажды, и до сих пор Серильда дрожала, когда позволяла себе вспоминать их близость, его прикосновения и то, как он шептал ее имя – будто стихи. В ту ночь в пылу страсти был зачат их ребенок.

Но когда в следующий раз она увидела Злата, тот был закован в кандалы. Эрлкинг приказал повесить его на главной башне замка на золотых цепях – из того самого золота, которое Злат спрял сам, пытаясь спасти Серильде жизнь. Узнав о том, что Серильда беременна, король придумал план: жениться на ней и объявить дитя своим. Расскажи она кому-нибудь правду, Эрлкинг никогда не отпустил бы в Ферлорен души детей, которых она так любила. Они остались бы здесь, порабощенные темными навсегда. Она не могла этого допустить, а значит, не имела права рисковать и рассказывать

хоть кому-то.

Даже Злату.

Особенно Злату.

– Да уж, – сказала Серильда вслух, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Меня снова позвали в гости к чудовищу. – Повернувшись, она встретилась взглядом со Златом. – Повезло так повезло.

Она и не пыталась скрыть презрения к жениху – ей не нужно было делать этого в беседе со Златом. Сговор с королем никогда не являлся ее выбором. Их брак не был и не мог стать браком по любви. Серильда даже сомневалась, можно ли назвать это браком по расчету, поскольку *ей* рассчитывать было не на что. Король похитил ее мать, когда Серильда была еще совсем малышкой, он бросил умирать ее отца и убил пятерых невинных детей, просто чтобы досадить ей, – и это лишь ничтожная часть его бесчисленных злодеяний. Разлученные семьи, отнятые по его прихоти жизни, охота на волшебных существ – некоторых он истребил совсем.

Серильда не могла помешать Злату ревновать. Ведь он верил, что Эрлкинг потребовал ее руки, желая заполучить ее тело в своей постели. Но, пускай Серильда не смела открыть ему всю правду, она никогда не позволила бы Злату подумать, будто она может испытывать к Эрлкингу хоть что-то, кроме отвращения.

Серильда должна была играть роль, должна была поддерживать эту ложь, чтобы в конце концов получить свободу

для детских душ, которой она так хотела. Эрлкинг обещал отпустить их всех: Ханса, Никеля, Фриша, Анну и Гердрут. Он обещал даровать им покой.

Взамен она соглашалась для него лгать. Говорить, что ребенок в ее чреве принадлежит королю. Хранить их тайну.

Но она не собиралась изображать любовь к мужчине, которого презирала. Бывает такая ложь, которую даже она, Серильда, не в силах была терпеть.

По лицу Злата мелькнула тень, и Серильда поняла: он винит не ее, а себя. Он совсем сник, опустил плечи.

– Надеюсь, он... – начал Злат, но замолчал, скривив губы так, словно надкусил лимон. Ему потребовалось какое-то время, чтобы взять себя в руки. – Надеюсь, он... ведет себя *благородно*.

Это слово – *благородно* – он выплюнул как лимонную косточку, и, непонятно почему, на сердце Серильды стало чуточку легче. Теперь девушка знала, что он пытается понять, *принять*, насколько может.

С трудом проглотив комок в горле, она положила руку Злату на запястье.

– Он не делает мне больно, – сказала Серильда.

Это было правдой, в какой-то степени. Эрлкинг никогда не причинял ей телесных страданий, не считая одного раза, когда он проклял ее, вонзив ей в запястье стрелу с золотым наконечником. Он вообще почти не дотрагивался до Серильды, оставаясь с ней наедине, но бурно и отталкивающе

демонстрировал свои нежные чувства в присутствии других. Серильда иногда задавалась вопросом, что думают обо всем этом придворные. Их король – красивый, уверенный, опасный, – очевидно изнывающий от любви. Для всех остальных она была просто невзрачной смертной девицей со странными золотистыми кругами на радужке глаз. В мире смертных эти глаза отпугивали, давали понять, что от нее лучше держаться подальше. Она странная. Она проклята. Она может навлечь несчастье на любого, кто к ней приблизится.

Но темные и их король не питали подобных суеверий. Возможно, потому, что часто *они* и были тем самым несчастьем, которого так боялись люди.

Возможно, демоны решили, что короля привлекают именно ее странности.

Морщины на лбу Злата разгладились, но не до конца. Он молча кивнул, и Серильду кольнула боль – настоящая острая боль за ребрами, – оттого, что она не могла сказать ему больше.

Король в самом деле не делал ей больно. Она не собиралась согревать его постель ни сегодня, ни в любую другую ночь. И не собиралась подарить ему ребенка, по крайней мере, не так, как предполагал Злат.

Ей хотелось шепнуть: *это неправда*. Наклониться вперед и уткнуться щекой в его висок. Прижать его к стене и прильнуть к нему всем телом. *Я не принадлежу ему. И никогда не буду.*

И я по-прежнему хочу быть твоей.

Однако она ничего этого не сказала и, отпустив руку Злата, продолжила свой путь по залам замка.

К ожидающему ее жениху.

Злат неслышно следовал за ней, и Серильда невольно порадовалась, что он не исчез. Было пыткой находиться рядом со Златом, не имея возможности рассказать ему правду, но без него было хуже, гораздо хуже. Рядом с ним Серильда, по крайней мере, могла представить, будто и он чувствует себя так же, как она. Общая боль. Общее отчаяние. Тоска по тому, что у них когда-то было. По тому, что – как показалось им на мучительно краткий миг – могло стать чем-то большим.

Дойдя до конца коридора, Серильда поняла, что не помнит, нужно ли ей повернуть налево или направо. Она остановилась, пытаясь сообразить, и тогда Злат с тихим вздохом махнул влево.

Серильда улыбнулась ему, застенчиво и благодарно, но при виде страдания на его лице у нее мучительно сжалось все внутри. Золотые точки в его глазах отражали свет факела. Медно-рыжие волосы были всклокочены, как будто всю последнюю неделю он приглаживал их руками вместо гребня. Пуговицы на льняной рубашке были застегнуты криво, одна петля пустовала.

Серильда вовсе не собиралась этого делать, но ее руки сами взлетели к его рубашке, и не успела она их остановить, как

уже перестегивала непослушные пуговицы.

От ее прикосновения Злат застыл, как статуя.

У Серильды вспыхнули щеки, пусть даже этот румянец был румянцем призрака. У нее не билось сердце, настоящая кровь больше не текла по ее жилам из-за проклятия, разделившего ее дух и смертное тело. Но она была не понаслышке знакома со смущением, а теперь еще и с желанием пополам с тоской.

Расстегнув пуговицу дрожащими пальцами, Серильда разгладила ткань, поправила широкий воротник Злата.

Он резко втянул в себя воздух.

Она не торопилась убрать руки с его воротника, который обнажил кожу Злата так, что стали видны ключицы и бледные веснушки на верхней части груди.

Она может потянуться вперед. Поцеловать его. Прямо в голую шею.

– Серильда...

Она подняла взгляд. В его глазах можно было прочесть многое – в них отражались мысли, которые эхом отзывались в ее собственной голове.

Мы не можем.

Мы не должны.

Я тоже этого хочу.

Серильда прижала подушечку большого пальца к этим веснушкам.

Таким желанным.

Злат закрыл глаза и подался вперед, прижимаясь лбом к ее лбу.

Опомнившись, Серильда торопливо застегнула пуговицы.

– Прости, – выдохнула она. – Я знаю, мы не можем... я знаю.

Если кто-нибудь их увидит... если пролетит хоть малейший слухок, если будет посеяно малейшее подозрение в том, что Серильда неверна королю, это поставит под сомнение происхождение ее ребенка, и Эрлинг неизбежно покарает ее за это.

А это почти наверняка означало, что пострадают дети.

В последний раз Серильда коснулась груди Злата и отстранилась.

– Нельзя заставлять его ждать, – шепнула она. – Как бы мне этого ни хотелось.

– Я провожу тебя.

– Это не обязательно.

Он улыбнулся, немного печально и все же с озорством.

– В этом замке водятся чудовища, если ты вдруг не знала. Если бы с тобой что-то случилось, я бы никогда себе этого не простил.

– Ты мой защитник, – произнесла она, слегка его поддразнивая.

Но Злат нахмурился.

– Я не могу защитить тебя, когда это действительно важно.

Сердце у Серильды сжалось.

– Злат...

– Прости, – поспешно сказал он. – Все это будет неважно. Как только мы снова обретем свои тела. Как только разрушим проклятие.

Серильда взяла Злата за руку и крепко сжала его пальцы. Это было единственное, что дарило надежду им обоим. Шанс, что они сумеют отыскать свои тела, сломают стрелы, пронзившие им запястья, и снимут заклятие, которое привязывает их к этому замку. Что когда-нибудь они снова будут свободны.

– Мы это сделаем, – сказала она. – Мы снимем проклятие, Злат.

На мгновение он сжал ее руку сильнее, но первым отстранился.

– Тебе надо идти. Неровен час, кто-нибудь увидит и донесет королю, что ты резвилась с духом-буяном.

Глава 3

Первое, что пришло в голову Серильде несколько недель назад, когда она впервые увидела королевские покои, – что Эрлкинг умеет оправдывать ожидания.

Кровати там не было, и из-за этого Серильда решила, что темные никогда не спят, хотя она никого прямо об этом не спрашивала. Зато было великое множество весьма изысканной мебели.

Кресла с высокими спинками и элегантные диваны, обитые превосходными тканями и отделанные черным шнуром с кистями. Столы, инкрустированные перламутром и эбеновым деревом. Пушистые меховые ковры, такие огромные, что Серильда поежилась, представив себе существо, из шкуры которого они могли быть сделаны.

В застекленном шкафу у одной из стен была размещена целая выставка: коллекция черепов животных, необычное оружие, мраморные скульптуры, расписанная вручную глиняная посуда, книги в кожаных переплетах и причудливые ухмыляющиеся маски. Над гобеленами висели вполне традиционные чучела и рога, но кроме привычных голов оленей и кабанов Эрлкинг поместил сюда и других существ, маленьких и изящных. Чучела певчих птичек были исполнены так искусно, что казалось, будто они вот-вот защебечут. Проворные лисицы словно готовы были удрать прямо со стены.

Противоположную стену украшала обширная коллекция карт. Некоторые казались древними, они были нанесены на шкуры животных и пергамент. На других были отмечены такие уголки мира, о которых Серильда никогда не слыхивала и сомневалась, что они вообще существуют. Эти карты изобиловали изображениями престранных мифических зверей, названия – или имена? – которых были выведены аккуратным почерком, бледными красными чернилами. *Инканымба*, длинный змей с лошадиной головой. *Исполинский Бутто Иджо*, зеленый клыкастый тролль. *Кумихо*, девятихвостая лиса. Серильда полюбила изучать этих существ, водить пальцами по словам и произносить вслух незнакомые имена. Невольно она задавалась вопросом, существуют ли такие взаправду? Живут ли где-то далеко-далеко? Она повидала на темной стороне столько разных тварей, которых когда-то считала сказочными, что теперь готова была поверить почти во все, что угодно.

В общем и целом, все комнаты были темными и немного мрачными, но по-своему странно уютными. Если уж кусок дерева, то покрытый искусной резьбой и отполированный до глянцевого блеска. Если уж ткань, от портьер до подушек, то или черная, или цвета темных рубинов, изумрудов, сапфиров – и непременно наилучшего качества. Если уж свеча, то зажженная.

Свечей, между прочим, там было *много*, так что покои Эрлкинга напоминали алтарь в многолюдном храме.

Но особое внимание Серильды привлекали высокие напольные часы, стоявшие в нише возле очага. Футляр с латунным маятником был выше нее самой, а циферблат показывал не только время, но и циклы луны и времена года. Четыре стрелки, вырезанные из тонкой кости, двигались по кругу неторопливо и уверенно. Находясь в покоях Эрлкинга, Серильда не могла отвести от них взгляда.

Отчасти, возможно, потому, что она и сама считала минуты до того, как сможет вырваться отсюда.

Когда она оказалась здесь вечером в канун летнего солнцестояния, у балкона был накрыт стол, на котором стоял графин с красным вином, головка сыра, каравай черного хлеба и чаша, доверху наполненная алыми вишнями и спелыми нектаринами. Раньше Серильде казалось, что темные, особенно те, кто участвует в Дикой Охоте, постоянно жаждут отведать плоти своей добычи. Она представляла, как они нетерпеливо пляшут вокруг огромных кусков мяса, жарящихся над ямами с разведенным в них огнем, как пламя шипит от капающего с костей жира, как до хрустящей корочки зажариваются окорока диких кабанов и оленей. Мяса в замке действительно ели много, но изысканные вкусы его обитателей этим не ограничивались, поэтому на столе всегда были и свежие плоды. Почти как дома, где все бурно радовались появлению первых слив, инжира и лесных ягод – ах, это казалось сущей роскошью после долгой суровой зимы.

Эрлкинг стоял у окна. Вдалеке над горами Рюкграт висела

растущая луна, и ее свет мерцал и переливался на гладкой, как черное зеркало, поверхности озера.

Серильда устроилась на одном из мягких стульев за столом и взяла вишенку. Спелая ягода лопнула у нее во рту. Сладкая и чуть-чуть кисловатая. Она не знала, как подобает настоящей королеве поступать с косточкой, поэтому просто выплюнула ее в руку и бросила в пустой бокал, а потом взяла еще одну вишню.

И третью.

Она подумала о том, что, по мнению всех остальных в этом замке, происходит сейчас в этих покоях, и ей захотелось рассмеяться. Если бы они только видели, как их король, якобы влюбленный по уши, проводит большую часть вечеров, совершенно не обращая внимания на предмет своих мечтаний.

Затем она подумала о Злате и о том, как *он представляет*, что происходит здесь, и как это, скорее всего, разрывает ему сердце, и быстро опомнилась.

– Как поживает мой потомок?

Серильда вскинула голову. Король по-прежнему стоял от-вернувшись, его густые иссиня-черные волосы рассыпались по спине.

Нет никакого твоего потомка, хотелось ей сказать. Это дитя не твое. И никогда твоим не будет.

Вместо этого она прижала руку к животу.

– Пока я не чувствую ничего особенного. Говоря по че-

сти, я уже начинаю спрашивать себя, из-за чего вся эта суматоха, – сказала она беззаботно, скрывая настоящее беспокойство, которое так и бурлило внутри нее. – Разве что все время хочется есть, но в этом нет ничего нового.

Серильда схватила нектарин и вгрызлась в него. Когда сок потек по подбородку, она небрежно вытерла его рукавом и продолжала есть, не обращая внимания на неодобрительные взгляды короля.

Если Эрлкинг хотел королеву, обученную придворному этикету, ему не повезло с выбором.

– В замке есть повитуха? – спросила Серильда. – Может быть, среди призраков? Наверняка у предыдущей королевской семьи она имелаась. У меня так много вопросов. Хотелось бы с кем-то все это обсудить.

– Повитуха, – повторил Эрлкинг несколько растерянно, и Серильда ясно поняла, что такая мысль даже не приходила ему в голову. – Я узнаю.

Серильда слизнула каплю сока с запястья, пока та не доползла до ее рукава.

Схватив со стола салфетку, король бросил ее девушке.

– Не забывай о манерах. Тебе предстоит стать королевой и моей женой.

– Это *вы* так решили, не я, – не обращая внимания на салфетку, она откусила еще кусок нектарина. Покончив с ним, она с хитрой улыбкой бросила косточку в бокал, где уже лежали вишневые. А потом подолом пышной бархатной юбки

вытерла липкие от сока пальцы, один за другим. – Но, если вас что-то во мне смущает, еще не поздно передумать.

Лицо Эрлкинга стало ледяным – большое достижение, если учесть, что его и обычно отличала холодность.

– По крайней мере, мне не придется терпеть тебя долго. Шесть месяцев пролетят быстро, в одно мгновение.

От этого намека Серильде стало не по себе. Разве трудно хотя бы попытаться скрыть свое намерение убить ее, как только она выполнит свое предназначение?

Чтобы позлить Эрлкинга, она отломил кусок сыра побольше и сунула в рот, прекрасно зная, что это любимый сорт короля. Не прожевав, она заговорила с набитым ртом:

– А что, после брачной церемонии мы будем жить вместе в ваших покоях?

– Ни в коем случае, – усмехнулся король. – Все будет продолжаться так же, как сейчас, пока мы не объявим о вашей беременности. Незачем что-то менять.

Серильда выдохнула. Уже несколько недель она думала об этом и боялась спросить. Теперь у нее даже голова закружилась от облегчения, что ей не придется спать здесь, с ним. Они и дальше будут просто притворяться.

Пока что с этим она справлялась.

Сколько времени она уже здесь? Серильда взглянула на часы. Не прошло и десяти минут. А казалось, как будто сто лет.

– Я думаю, не стоит ли перенести свадебную церемонию

на Луну Влюбленных? – продолжал король. – Выбирая солнцестояние, я подумал, что в этом есть своя поэзия, но, судя по всему, моей невесте не терпится.

– То, что я чувствую, – это не нетерпение.

– Разве ты не мечтала быть летней невестой?

Она фыркнула.

– *Какая же* я летняя невеста? Я – летняя жертва.

Эрлкинг рассмеялся. Такой редкий звук, и, слыша его, Серильда каждый раз, сама того не желая, чувствовала укол удовлетворения.

Самое грустное, что говорила-то она серьезно.

Их ждала вовсе не свадьба. Это должно было стать ритуальным жертвоприношением, с ней в роли ягненка на заклание. Когда придет время, король убьет ее и заберет ее дитя, которое Серильда непонятно почему уже страстно любила, так сильно, как никого и никогда раньше.

Серильда потерла пальцами шрам на запястье. По правде говоря, жертва уже была принесена, в тот самый миг, когда Эрлкинг пронзил ее руку стрелой с золотым наконечником и наложил заклятие на ее душу, отделив дух от смертной оболочки и привязав его к этому замку с привидениями, заточив Серильду в плен здесь, на темной стороне завесы.

Она видела свое тело, распростертое на полу тронного зала, дышавшее, но безжизненное. Серильда не до конца понимала эту магию. Она больше не чувствовала ни своего пульса, ни ровного биения сердца. Ей не нужно было дышать,

хоть она и продолжала это делать, по привычке или себе в утешение.

А еще этот нерожденный ребенок. Она могла только надеяться, что с ним все в порядке. Никаких признаков беременности она не чувствовала – ни приступов тошноты, ни болей в спине и щиколотках, на которые, как она помнила, жаловались женщины в Мерхенфельде. Она даже не знала, был ли ребенок сейчас *буквально* у нее внутри или же рос в ее бездыханном, похожем на труп теле, спрятанном в этом замке.

Приходилось просто верить, что Эрлкинг не причинит вреда ребенку, учитывая его великие планы насчет будущего наследника, но до чего же Серильде на нравилось полагаться на его милость.

Наконец, оторвавшись от окна, Эрлкинг потянулся к своему бокалу. Он заколебался, поднял на нее глаза.

– Что? – спросила она. – Я не подсыпала туда яда. – И ахнула вдруг: – Хотя в следующий раз стоит попробовать.

– Если решишься, предлагаю использовать аконит. Я всегда находил его послевкусие чуть сладковатым и весьма недурным. – Король поднял бокал и, не отрывая от нее изучающего взгляда, сделал глоток. Опустив стакан, он заговорил снова: – Если не ошибаюсь, ты считаешь себя рассказчицей.

Серильда выпрямилась, резко почувствовав себя уязвимой из-за того, что король сумел приметить эту тихую, скры-

тую часть нее.

– Меня называли и хуже.

– Тогда расскажи мне историю.

Серильда нахмурилась.

– Нет настроения. И не пытайтесь мне приказывать. Я не одна из ваших призраков.

Казалось, его это позабавило, он изогнул губы.

– Я просто подумал, что это поможет скоротать время. – Эрлкинг многозначительно покосился на часы, будто заметил, что она не сводит с них глаз.

Девушка хмыкнула.

– Что ж, вообще-то есть одна история. Я ее слышала давным-давно, и мне всегда было интересно, правда ли это. Говорят, Луна Влюбленных названа в честь вас и Перхты.

Эрлкинг глядел на нее, склонив голову набок, но ничего не ответил.

– Легенда гласит, что как раз под той луной вы двое называли друг другу свои истинные имена, тем самым связав свои судьбы на веки вечные. Вот почему некоторые люди под Луной Влюбленных делятся своими секретами, надеясь, что лунный свет защитит их.

– Суеверный вздор, – пробормотал он. – Любому простаку известно: если хочешь сохранить тайну, не доверяй ее никому, под какой бы луной это ни происходило. Но вы, смертные, наделяете сказки такой властью. Вы верите, что судьбу определяют старые боги и суеверия. Что во всех несчастьях

можно винить лунный свет, звезды, любую нелепость, которая подвернется под руку. Но ни судьбы, ни фортуны не существует. Есть лишь те тайны, которыми мы делимся, и те, которые мы скрываем. Есть наш собственный выбор – или трусость, не позволяющая сделать выбор.

Серильда уставилась на него. Сколько раз жители Мерхенфельда винули *ее* во всех своих несчастьях!

И все-таки не могла же она отместить тот факт, что она – крестница бога Вирдита. На ней лежало заклятие бога историй и удачи, и закрыть на это глаза тоже было бы не совсем верно.

Возможно, истина лежала где-то посередине.

Где-то там, где ничем нельзя было управлять, среди событий, направляемых судьбой...

Но, кроме нее, еще и выбором человека.

Внутри Серильды поднялся ужас. Самое печальное в том, что она хотела верить в возможность выбора. Хотела верить, что может управлять своей судьбой. Но как? Ведь она пленница Эрлкинга. Она уже делала выбор и совершала ошибки. Но в конце концов ее судьба была предрешена.

Так иронично. Как, должно быть, веселится Вирдит, где бы он ни находился.

– Значит, – неуверенно начала она, – значит, в той истории все неправда?

Король усмехнулся.

– То, что Перхта и я обменялись именами под Луной

Влюбленных? Ерунда.

– Печально. Мне казалось, что это так романтично.

Эрлкинг покачал головой, снова наполняя свой бокал.

– Нам не нужны были сказочки, перевирающие нашу историю. Перхта и я... наша любовь была предопределена с самого начала. Я неполон, когда ее нет рядом.

Серильда замерла, смущенная его откровенностью.

Ей было еще хуже от того, что она знала о намерении Эрлкинга вернуть Перхту. В Бесконечную Луну – в ту редко выпадающую ночь, когда зимнее солнцестояние совпадает с последним полнолунием в году, – Эрлкинг и его Дикая Охота собирались изловить одного из семи богов. А с появлением первых лучей солнца плененный бог вынужден будет исполнить единственное желание.

Эрлкинг пожелает вернуть из Ферлорена Перхту. Жесткая охотница снова будет ходить по земле, и он без колебаний отдаст ей ребенка Серильды. И раньше Ольховый Король похищал для Перхты детей, но никогда прежде не дарил ей новорожденного младенца.

При мысли об этом Серильде становилось плохо. Для Эрлкинга новая жизнь, растущая внутри нее, была просто вещью, которую можно завернуть понаряднее и подарить. Кукла, игрушка, пустяк – поиграй и выбрось.

И хотя сама Серильда ни разу не встречала Перхту, она догадывалась, что, как бы охотнице ни хотелось иметь собственное дитя, любящей матерью ей не стать. Говорили, что

она безжалостна, надменна и жестока. Всякий раз, когда она уставала от очередного подаренного ей ребенка, Эрлкинг уводил дитя в лес и возвращался один.

Таковы темные.

Такова мать, для которой предназначался ребенок.

Все так и было, за исключением одной мелочи. Одной маленькой проблемы, о которой Эрлкинг пока еще не догадывался.

Она уже пообещала этого ребенка Злату. Своего первенца в обмен на то, что тот превратит целую гору соломы в золотую пряжу. Сделку эту скрепила магия. И вряд ли ее можно будет отменить.

Но Серильда не собиралась сообщать об этом Эрлкингу.

Она придумает, как с этим разобраться, сказала она себе. У нее еще есть целых шесть месяцев, чтобы придумать, что делать. Чтобы спасти младенца. Саму себя. Злата. Детей, спящих в ее комнате.

– Как некрасиво с моей стороны, – голос Эрлкинга вырвал ее из глубокой задумчивости. Король обошел весь стол, пока не оказался рядом с ее стулом, а затем опустился рядом с ней на одно колено. – Тосковать по другой, когда рядом сидит моя невеста. Надеюсь, ты сможешь простить меня, *любовь моя*.

– Среди всего, за что вам стоило бы попросить прощения, – протянула она, – рассказ о любви к зверски жестокому демону, умершему триста лет назад, даже не входит в список.

Губы Эрлкинга чуть дрогнули.

– Сохрани этот огонек, маленькая смертная, – с этими словами он взял ее руку своими прохладными пальцами и склонился над ней. – Так мне легче тебя обожать.

Встав, он взял со стола нетронутый нектарин. Откусил, нависнув над Серильдой, как скала. Сок потек по его подбородку, как раньше у нее. Король самодовольно ухмыльнулся и вытер его рукавом.

– Еще десять минут, думаю, будет достаточно, после этого можешь удалиться.

Подняв свой бокал, он повернулся к ней спиной – этого-то и ждала Серильда. Одним стремительным движением она схватила лежавший на столе нож с серебряной ручкой и вонзила его в спину Эрлкингу, прямо между лопаток. Она ощутила сопротивление плоти. Раздался хруст позвонков.

Король замер.

Несколько долгих мгновений Серильда ждала, надеясь – вдруг, ну вдруг... *на этот раз...*

Но он глубоко вдохнул и выдохнул – медленный, протяжный вздох.

– Пожалуйста, – вежливо попросил он, – вытащи нож. Я бы не хотел просить об этой услуге Манфреда. *Снова.*

Неслышно выругавшись, Серильда выдернула нож. Вместо крови из раны вытекла струйка черного дыма, рассеявшаяся в воздухе.

Девушка нахмурилась. В первый раз, ударяя его ножом,

она была уверена, что король будет сопротивляться.

Но он даже не пытался.

Тот первый нож воткнулся ему в бок, прямо под ребра.

При следующей попытке удар пришелся в живот.

В третий раз она попала ему в сердце и была так горда своей меткостью, что завизжала от восторга.

В тот раз Эрлкинг только закатил глаза, вытащил нож и поднес к свету. Лезвие было безукоризненно чистым, как будто только что не вошло ему в грудь по самую рукоятку.

Сейчас Серильда бросила нож на стол.

– Следующий будет в голову, – сообщила она раздраженно, скрестив руки на груди. – Может, я выколю вам глаз, как один из ваших охотников Манфреду.

– Если это сделает твое пребывание здесь более терпимым, – учтиво ответил он, делая глоток вина, – то, пожалуйста, не стесняйся.

Глава 4

Предполагалось, что фрейлиной Серильды будет Анна, но внимания и прилежания у этой восьмилетней девчонки было не больше, чем у мухи, так что с этой ролью она справлялась не слишком удачно. Поэтому, когда наступил день летнего солнцестояния, в покои Серильды прибыли две призрачных служанки в закапанных кровью фартуках. Им и предстояло превратить Серильду в подобие королевы. Или невесты.

А точнее... демона-охотницы, как оказалось.

Серильда ожидала пышного бального наряда. Многим темным нравилось наряжаться в великолепные ткани, и она представляла, что король достанет ей для церемонии какое-нибудь роскошное платье.

Но нет – когда служанки вошли, в руках у них не было ни шелков, ни парчи, ни пышных юбок. Вместо этого ей принесли кожаный колет со шнуровкой, который надевался поверх льняной сорочки. Бриджи для верховой езды, перчатки из козьей кожи, кожаные наручи и сапоги – мягчайшие и самые удобные, которые она когда-либо носила. А еще они принесли ей искусно сделанный арбалет – не такой большой, как у Эрлкинга, но с такими же острыми стрелами. Серильда боялась даже прикоснуться к этому оружию – ей казалось, что если она случайно заденет спусковой крючок, то стрела полетит прямо кому-нибудь в голову. У всех в этой комна-

те и так было более чем достаточно зияющих ран, новые им были ни к чему.

– Прекрасно, – беззаботно сказала Серильда. Она много раз пыталась убедить жениха рассказать ей хоть что-нибудь о свадебной церемонии, но без успеха. – Порадуйте меня, скажите, что к концу праздника я буду иметь удовольствие пустить стрелу в сердце своего супруга.

Дети рассмеялись.

Служанки обменялись неуверенными взглядами, и одна из них ответила:

– Мне кажется, вас ждет своего рода церемониальная охота.

– Как же я сама не догадалась, – простонала Серильда.

Вскоре она уже сидела у туалетного столика, а служанки поспешно расплетали ей косы и втирали в руки и щеки масло, так что от нее теперь пахло, как от кладовки с припасами. Все это время Анна и Гердрут прыгали на кровати, а Никель с Хансом бросали кости, игре в которые их научил конюх. Он был на пару лет старше Ханса, и дети ему сразу же понравились.

Серильда заглянула в висевшее над ее туалетным столиком зеркало. В тусклом свете свечи золотые колеса на ее черных радужках были хорошо видны. Когда они впервые встретились с Эрлкингом, король решил, что это колеса прялки, поэтому-то его было так легко убедить, что Серильда благословлена богиней Хульдой и может пряхсть из соло-

мы золото. Но нет – на самом деле Серильда была отмечена колесом фортуны. Крестница Вирдита, бога историй, удачи и обмана.

То, что Вирдит стал ее крестным, должно было быть благословением, ведь много лет назад, в Бесконечную Луну, ее отец помог богу. Но на самом деле ее проклятый язык приносил одни несчастья ей самой и людям, которых она любила.

Случись Серильде как-нибудь встретиться с Вирдитом, она разбила бы колесо фортуны о его неблагодарную голову.

Стукнув в дверь, в покои ворвался Фриш – ее «паж» и посыльный.

– Она готова? – спросил мальчишка. Сначала он адресовал свой вопрос Анне, не обращая внимания на то, что та стояла на руках, прислонив ноги к спинке кровати для равновесия.

– Ну и ладно, – махнув рукой, он повернулся к Серильде и служанкам. Взглянул на ее волосы, теперь убранные в одну затейливо заплетенную косу, на разложенное на стуле снаряжение для верховой езды. – Лучше вам поторопиться, иначе король может начать убивать там людей.

– Кого это он собрался убивать? – Анна повернула голову; ее косички лежали на ковре. – Здесь все и так уже мертвые.

– Почему он расстроен? – спросила Серильда. – Я не опаздываю. Пока еще нет.

– Без нее все равно не начнут, – добавила Анна. С грохо-

том опустив ноги на пол, она встала.

– Мы стараемся, как только можем, – отозвалась одна из служанок, капая Серильде на губы чем-то из маленького горшочка. – Нам было бы проще, если бы нас со всех сторон не отвлекали.

И она бросила на Анну и Гердрут выразительный взгляд. Фриш пожал плечами.

– По-моему, тут дело в духе-буяне.

Серильда напряглась.

– А что с ним?

– Он куда-то запропастился. Сегодня утром за ним послали несколько стражников, чтобы связать его и держать в цепях во время церемонии. Ты же знаешь, от него столько хлопот. Но его никто найти не может. А среди слуг ходят разговоры, что он может попытаться вмешаться и испортить праздник.

– Надеюсь, так и будет! – заявила Гердрут, сидя на кровати и болтая ногами, которые не доставали до пола больше фута.

– Помните, как он заменил чучела в северном крыле на тряпичных кукол с башками из брюквы? – сияя, напомнил Никель. – Он их, наверное, сто лет вырезал, но дело того стоило – когда охотники это увидели, у них были такие рожи!

Дети начали перешучиваться и хихикать, и Серильда не смогла сдержать улыбку. С тех пор, как Эрлкинг убил их и, завладев их душами, запер здесь, в замке, у Злата с его выходками появились благодарные зрители.

При мысли, что Злат может расстроить церемонию, у Серильды внутри вспыхнула искра надежды. Он спас бы ее в такой кошмарный день – это звучало очень соблазнительно и даже немного романтично.

Вдобавок ей не хотелось даже думать, что Злата могут снова заковать в цепи, словно одну из зверушек короля. Серильда подозревала, что Эрлкинг с удовольствием оставил бы его висеть лет на сто или двести, если бы золотые цепи не были нужны ему для охоты. К тому же в оковах Злат ужасно шумел, часами фальшиво распевая застольные песни и баллады, и большинство темных согласились, что уж лучше отпустить его на волю.

Серильда надеялась, что больше никогда не увидит его скованным.

И все же – они с Эрлкингом заключили договор. Ее уступчивость и ее ребенок в обмен на освобождение душ пятерых детей, которых она так любила. Ханса, Никеля, Фриша, Анны, Гердрут. Серильда вынуждена будет выйти замуж за Эрлкинга. Отдать ему дитя. В свое время это решение убьет ее. Но дети – лишь по ее вине они были здесь, а не дома со своими семьями, предвкушая долгое, безоблачное будущее.

Закусив губу, Серильда зажмурилась и мысленно обратилась к Злату, где бы он сейчас ни находился.

Не испорти все. Только не сегодня.

– Ну вот, готово, – сообщила служанка, заканчивая укладывать волосы Серильды. – Теперь будем вас одевать.

В каком-то оцепенении Серильда безропотно позволила служанкам увести себя за ширму и показать, в каком порядке надеваются эти кожаные доспехи. В охотничьем костюме она чувствовала себя неловко, но, когда помощницы под руки вывели Серильду из-за ширмы, ее встретили восхищенные взгляды детей. Всеобщего восторга не разделял лишь Ханс – и без того серьезный мальчик в последнее время впал в угрюмую хандру, и Серильда не могла придумать, как ему помочь. Ей не за что было его винить. Он был достаточно взрослым, чтобы понимать – никакое волшебство в заколдованном замке не способно компенсировать украденные у них жизни.

– Ты похожа на воительницу! – любуясь ей, воскликнула Гердрут, во рту у которой не хватало одного зуба. Первого и последнего молочного зуба, который выпал у нее в жизни.

Вопреки всему Серильде было приятно, что ее назвали воительницей. Кем-то, способным на большее, чем просто рассказывать сказочки.

– Нет, – тихо возразил Ханс. – Она похожа на охотницу.

Эти слова мигом испортили всем настроение. Радостные огоньки в детских глазах померкли, а Серильда почувствовала, как снова погружается в ужас, преследующий ее с ночи Пробуждающейся Луны, когда решила ее судьба.

Она сглотнула.

– Ничего не изменится. Это всего лишь дурацкая церемония.

– Дурацкая церемония, – горько сказал Ханс, – после которой ты станешь Ольховой Королевой.

– Для вас я всегда буду просто Серильдой. – Она ласково взъерошила мальчишке волосы, но он лишь раздраженно вывернулся из-под ее руки.

– Нет, ты не будешь Ольховой Королевой, – сказал Никель. – С нами точно не будешь. А то получится, как будто ты ему принадлежишь. Я на такое не согласен. Мы придумаем тебе другое имя.

– Золотая королева! – пискнула Гердрут. Сияя, она взяла Серильду за руку. – Ты умеешь делать что-то из ничего. Ты можешь превращать солому в золото.

Серильда застыла, не дыша. Она не могла допустить, чтобы дети случайно проболтались и Эрлкинг узнал правду, поэтому пришлось лгать и им, что она настоящая златопряха. Но слова Гердрут напомнили ей о том дне много месяцев назад, когда они все вместе сидели под сосной, среди снежных сугробов, и Серильда рассказывала детям сказку о злом Эрлкинге и охотнице Перхте. В тот день именно Гердрут сказала, что Серильда рассказывает так, как будто прядет золото.

Оглядываясь назад, Серильда ясно поняла, что это был именно тот день, когда все в ее жизни переменялось. Она чмокнула Гердрут в кудрявую макушку, а потом притянула к себе остальных детей, не обращая внимания на мурашки, пробежавшие по коже от прикосновения их тел, хрупких,

будто готовые рассыпаться ломкие осенние листья. Серильда просто была счастлива, что дети рядом, мертвые или нет.

Одна из служанок, откашлявшись, распахнула дверь.

– Простите меня, госпожа, но мы больше не можем заставлять Его Мрачность ждать.

Глава 5

Серильда не знала, чего ожидать от свадьбы. Когда она прямо спросила у Эрлкинга, он сказал, что от нее потребует только одно – быть счастливой невестой. На что Серильда ответила, что, поскольку быть счастливой для нее невозможно, она предпочла бы проспять всю церемонию, а когда начнется пир, пусть король пришлет кого-нибудь разбудить ее. Она пыталась досадить ему, но Эрлкинг просто рассмеялся.

Как будто она *шутила*.

Она старалась не волноваться. Даже если ей придется принести какие-то абсурдные клятвы в вечной любви, это не будет иметь никакого значения. Он мог целовать ее, надевать ей кольцо на палец или делать что угодно другое – все это просто спектакль. Их брак был фарсом. Он ничего не менял.

Король может потребовать у Серильды ее руки, но сердце – сердце ее всегда будет принадлежать ей самой.

Ну, если забыть о том, что ее сердце спрятано где-то, замкнутое внутри ее телесной оболочки, и она, возможно, не найдет его, пока не родится ребенок – а тогда будет уже слишком поздно.

Серильду провели по высокому мосту, по которому она прежде никогда не ходила, к той части внешней стены, по которой она никогда не прогуливалась, – напоминание о том, что этот замок огромен, полон закоулков, укромных уголков,

комнат и башен. Где-то там, вероятно, лежали тела – ее и Злата.

Серильда спустилась по лестнице в длинный узкий коридор. День был солнечным и теплым, но даже сегодня в этих глухих, без единого окна, проходах царил холод. Кожа ее охотничьего костюма тихо поскрипывала при каждом шаге, и, хотя Серильда казалась себе нелепой в этих доспехах и бриджах, она в то же время чувствовала себя на удивление решительной, почти отважной.

Никто не смел ее и пальцем тронуть, а если бы и попытался, ее заряженный арбалет мог осадить любого смельчака.

У дверного проема, занавешенного тяжелой бархатной портьерой, свита приостановилась. Слуги отдернули ткань и пропустили Серильду внутрь.

Девушка вышла на каменный балкон, и ее зарождающаяся уверенность тут же дала трещину. Все тело напряглось.

Балкон располагался двумя этажами выше северо-восточного сада. На этой стороне Серильда почти не бывала. Здесь в основном располагались хозяйственные службы, голубятня, аптекарский огород, а также домик смотрителя, небольшой фруктовый сад и виноградник.

Сейчас внизу было устроено что-то вроде поля, со всех сторон огороженного деревянными столбами. Вокруг этой ограды расположился весь двор Эрлкинга. Серильда увидела Манфреда, из проколотого глаза которого, как обычно, капала кровь. Возница смотрел на нее с выражением чуть пе-

чальнее его обычного равнодушия. Рядом она заметила покрытого синяками конюха – голова опущена, пальцы терпят край туники. Безголовая женщина сменила свой обычный костюм для верховой езды на простое платье и повязала шарф на шею, чтобы скрыть рану, хотя ее кровь уже просочилась сквозь ткань.

Были там и темные, великолепные настолько, что на них было больно смотреть. Но эта красота была пустой, лишенной сострадания и радости. По большей части они казались скучающими, но когда глядели в ее сторону, их взгляды казались разгневанными. Серильда улыбнулась им в ответ.

Злат так и не появился. Серильда забеспокоилась, уж не удалось ли охранникам в конце концов его схватить. Кто знает, может быть, прямо сейчас он опять скован золотыми цепями. От этой мысли ей стало нехорошо.

Серильда надеялась, что с ним все в порядке, что он прячется где-нибудь в безопасном месте.

Еще она надеялась, что он не замышляет ничего ужасного. Но какая-то крошечная, безрассудная ее частичка желала, чтобы он был здесь. Не среди публики, наблюдающей за разыгрывающимся кошмарным фарсом. А *здесь*. На этом балконе. Чтобы он взял ее руку в свои...

Глупости, глупости.

Балкон, на котором стояла Серильда, украсили для церемонии. Каменные перила были увиты гирляндами из роз цвета красного вина. Балясины украшали перевязанные чер-

ным кружевом букеты из шалфея и «овечьих ушек». На стенах замка висели золотые с черным полотнища, а внизу тлели пряные благовония, распространяя в воздухе пьянящий аромат. Все вместе выглядело роскошно и утонченно, и эта картина могла бы даже взволновать и растрогать Серильду, не будь ее жених жестоким тираном, убивавшим детей и волшебных животных ради развлечения.

Стоило ей подумать об этом, как она заметила прямо напротив своего балкона еще один, выступавший из стены замка, так же богато украшенный, как и ее собственный. Занавеси раздвинулись, и вышел король. Он был одет в прекрасные кожаные доспехи и высокие черные сапоги – как в первый раз, когда она встретила его в ночь Снежной Луны.

Охотник и король. Его вид в равной степени наполнил Серильду благоговейным ужасом и отвращением.

– Моя невеста, – произнес Эрлкинг, и его медоточивый голос разнесся в повисшей тишине от главной башни до стен замка. – Вы сияете, как солнце в день солнцестояния.

– Прелестно, – ответила она, нисколько не польщенная, и положила маленький арбалет на перила. – У нас в Мерхенфельде есть традиция разбивать глиняную посуду перед свадебной церемонией, чтобы отпугнуть злых духов. Я бы предложила начать с этого – да боюсь, мы можем лишиться половины наших гостей.

– Никакого темного не отпугнуть черепками от битых горшков и мисок. Но сама идея кажется мне забавной. – Ко-

роль сверкнул жеманной улыбкой, чтобы заставить зрителей поверить, что он так обожает свою странную человеческую невесту. Но верил ли хоть кто-то? Кому вообще нужно было это притворство?

Наверняка никто из гостей и мысли не допускал, что между ними возможна любовь. Для этого потребовалось бы воображение даже богаче ее собственного, а таким обладали немногие.

– Наши обычаи, – продолжал Ольховый Король, – немного отличны от ваших.

– Это я уже поняла, – ответила Серильда. – Никогда не бывала на свадьбе, где жениху и невесте первым делом вручали бы оружие.

– Значит, вы просто еще не жили. – Любовно погладив изгиб собственного арбалета, король посмотрел вниз на толпу. – Добро пожаловать. Для меня большая честь, что вы все собрались, чтобы засвидетельствовать союз между мной и дамой, которую я избрал своей вечной спутницей. – Он взмахнул рукой. – Выпускайте дичь.

Внизу к большой огороженной площадке потянулись телеги, груженные клетками. Клетки открыли, и на площадку выпустили десятки животных. Зайцы, фазаны, пара кабанов и два маленьких оленя. Утки, гуси и перепела. Горный козел, с полдюжины овец, даже павлин, который распустил веер из ярких хвостовых перьев, стоило ему вырваться из клетки. Дюжина куропаток, которые расправляли крылья и взлетали

на ветви смоковницы, не обращая внимания на ограждение, удерживавшее других животных в загоне.

Наконец, из самой большой клетки появился огромный олень с великолепными рогами, поднятыми к яркому после-полуденному небу.

Животные разбежались по полю; одни прятались, где только могли, другие бродили по загону, растерянные и испуганные. Их крикание, вой, поскуливание сливались в нестройный хор. Горный козел занял угол двора и грозил рогами любому, кто осмеливался к нему приблизиться.

– Наш обычай прост, – сказал Эрлкинг. – Вы дадите мне брачную клятву и выстрелите. Если цель будет поражена – значит, слова ваши чисты и правдивы, и клятва будет считаться нерушимой. После того, как мы оба принесем клятвы, начнется пир – и все будут угощаться нашими жертвами.

Во рту у Серильды появился мерзкий привкус. Она ела мясо всю свою жизнь и нисколько не смущалась делать покупки у мясника в Мерхенфельде, лакомиться жареной свиной во время пира или готовить сытное рагу из говядины для себя и папы. Но она никогда не была на охоте. Никогда ей самой не доводилось прострелить сердце зверя или перерезать ему горло ножом.

Впрочем, подумала она, так устроены жизнь и смерть. Есть хищники, а есть добыча.

– Моя невеста, – сказал Эрлкинг. – Вам предоставляется честь принести клятву первой.

Серильда вздернула бровь.

– С удовольствием. Я бы многое хотела вам сказать.

Темные внизу стали пересмеиваться так ехидно, что ее пальцы сжали арбалет.

Король улыбнулся в ответ, но в его взгляде читалось предупреждение. Напоминание о том, что они не одни.

Чепуха на постном масле. Серильда обещала поддерживать ложь о том, что беременна от него. Она не давала обещания притворяться, будто в него влюблена.

– Я клянусь, – произнесла девушка, – что до тех пор, пока дух мой отделен от тела и у меня нет другого выбора, я буду *с досадой* оставаться рядом с вами. А теперь посмотрим.

Осмотрев животных, Серильда выбрала цель, попасть по которой – и она это прекрасно понимала – у нее не было шансов: пухленькую перепелку, которая, очертя голову, носилась назад и вперед по двору.

Девушка взяла арбалет в руки – неожиданно ей понравилась его тяжесть и ощущение силы, которое он ей давал. Оторвав взгляд от птицы, она посмотрела на Эрлкинга – Серильда и не думала угрожать, но была не в силах удержаться, чтобы чуточку не пофантазировать. Что произойдет, если она выстрелит прямо ему в голову?

Она промахнется, наверное. А если и не промахнется, его все равно не убить.

Хотя это *на самом деле* было бы приятно.

Словно прочитав ее мысли, Эрлкинг широко улыбнулся

ей.

Серильда наморщила нос, перевела взгляд на перепелку, прицелилась и выстрелила.

Стрела упала в грязь. Даже не рядом с целью.

Зрители смеялись, но Серильду это ничуть не смутило. На самом деле она и не хотела попасть.

– Я клянусь вам, – заговорил Эрлкинг, оттягивая тетиву своего арбалета, – что никогда не забуду те великие жертвы, которые вы принесли ради того, чтобы быть частью моего двора, стать моей супругой, провести вечность со мною рядом.

Серильда нахмурилась. Как будто это не он отнял у нее все. Как будто ее жертвы были принесены ею добровольно.

Эрлкинг спустил тетиву. Стрела попала сбоку кабану прямо в голову. Смерть оказалась настолько быстрой, что зверь даже не взвизгнул от боли.

Серильда вздрогнула.

Потребовалось мгновение, чтобы понять, что от нее ожидают следующей клятвы.

Она вздохнула.

– Клянусь, – начала она, глядя исподлобья на своего жениха, – что никогда больше не позволю выставить меня перед всем двором, не предупредив о том, чего вы от меня ожидаете. У меня не хватило времени подготовиться к этой церемонии, мой господин.

На этот раз она прицелилась в индейку.

И вновь промахнулась, как и в первый раз.

Эрлкинг пожал плечами.

– У меня сложилось впечатление, что вам нравится выдмывать на ходу. – Выдержав ее мрачный взгляд, он продолжил: – Я клянусь заботиться о вас, душой и телом. Клянусь, что мое обожание и стремление к вам будут расти с каждой проходящей луной.

Холод охватил Серильду.

Слова короля прозвучали почти... искренне.

Он ждал, устремив на нее взгляд, от которого ее щеки вспыхнули непрошеным румянцем.

Ей хотелось злобно зарычать в ответ. В какую игру он сейчас играет?

Наконец, король отвел глаза. Едва взглянув вниз, в сторону двора, он нажал на спусковой крючок. На этот раз он выбрал для их пира козу, и все произошло так же стремительно, как и с кабаном.

– Да уж, так я и поверила, что меткий выстрел означает нерушимую клятву, – буркнула она, надеясь, что Эрлкинг не заметит, как она нервничает. – Что ж... Клянусь, что в лучшие дни нашего вечного брака я буду и впредь находить ваше присутствие почти терпимым.

Это вызвало очередной приступ веселья у публики, и на этот раз их смех был не злобно-насмешливым, как после ее неудачных выстрелов.

Серильда даже не стала прицеливаться. Что проку?

Выдерживая пристальный взгляд Эрлкинга, с натянутой улыбкой на губах, она направила арбалет во двор и выстрелила.

Со двора донесся крик боли. Серильда вздрогнула так, что чуть не выронила оружие.

Она попала в оленя, но удар оказался не смертельным. Стрела вонзилась зверю в брюхо, и он вскинулся на задние ноги, отчаянно вращая огромными черными глазами.

Серильда ахнула. Ее замутило при виде того, как олень брыкался и дрожал от боли.

– Нет... мне так жаль... – пробормотала она, задыхаясь. Ее глаза наполнились слезами.

Король на другом конце двора поцокал языком.

– Это немилосердно, моя королева, оставить невинное существо страдать.

Раздувая ноздри, Серильда уставилась на него. Ей хотелось зарычать и огрызнуться, хотелось спросить, сколько *невинных существ* он сам заставил страдать за все время, пока возглавлял Дикую Охоту. Она думала о пяти обожаемых, драгоценных душах, которые и теперь еще страдали, не говоря уже о бесчисленных призраках, бродивших по этим залам, или о ее собственном отце, который был брошен гнить на обочине дороги и восстал в виде ненасытного нахцера.

Или о ее матери – ее матери, которую увлекла с собой охота и которую с тех пор больше никто никогда не видел.

Но Серильда сдержала свой гнев и вместо этого прибегла

к мольбе.

– Пожалуйста, – сказала она, – избавьте его от страданий. Я вовсе не хотела... – Жаркие слезы затуманили ее взор. – Прошу вас, сделайте так, чтоб ему больше не было больно.

Эрлкинг не шелохнулся.

Серильде хотелось задушить его. Но еще больше она хотела, чтобы все это наконец закончилось.

Она проглотила горький комок.

– Пожалуйста. Мой... дорогой супруг.

Уголок его рта чуть приподнялся, и Серильда буквально почувствовала его искушение растянуть этот момент. Чтобы она продолжала умолять.

Однако не успела она и вздохнуть, как раздался щелчок выстрела.

Арбалетная стрела вонзилась в череп оленя, и зверь рухнул замертво.

Серильда выдохнула с облегчением, но вместе с тем ее наполняла неизмеримая, невыносимая печаль. И еще она вдруг почувствовала, как сильно устала.

Ей сообщили, что пир будет продолжаться всю ночь. Но она не знала, сможет ли продержаться хотя бы до заката. Ей хотелось лишь одного: сбросить с себя тесный охотничий наряд, забраться в постель и спать, пока все воспоминания о солнцестоянии и этой фальшивой свадьбе не исчезнут без следа.

Но на такую роскошь у нее не было права.

Поэтому Серильда подняла голову и выдавила из себя горькие слова:

– Благодарю, мой господин, мой милосердный король.

Эрлкинг милостиво склонил голову.

– Просите у меня все, что захотите, ведь я ни в чем не могу вам отказать, любовь моя.

Серильда не могла сдержать вырвавшегося у нее гневного смеха. Он лгал, беззастенчиво и неприкрыто. Он никогда не исполнит желания, которое не было бы угодно ему самому.

Только услышав его следующие слова, она поняла, что Эрлкинг не облек это обещание в форму одной из своих свадебных клятв.

– Моя последняя клятва вам, моя смертная королева, – голос Эрлкинга мощно разнесся над головами толпы, возбужденной смертью оленя, – что отныне я никогда больше не буду относиться к вашему обществу как к чему-то само собой разумеющемуся, – тон его смягчился, а Серильда насторожилась. *Никогда больше?* – Клянусь, что каждое мгновение вашего общества будет для меня столь же дорого, как золото, спряденное рукой бога, столь же драгоценно, как мимолетные жизни смертных. Я клянусь, что, даже если вы пребудете рядом со мною целую вечность, мне никогда не надоест смотреть в ваши глаза, полные лунного света, на ваши губы, поцелованные солнцем. Рядом с вами я никогда не буду ощущать себя потерянным, никогда не почувствую одиночества, никогда не изведу бесконечную муку жизни, не имеющей

цели. Когда вы рядом со мной, я наполнен, и я посвящу всю свою жизнь тому, чтобы любить и дополнять вас.

В какой-то момент его речи рот у Серильды приоткрылся сам собой. Она смотрела на короля, не мигая. Кажется, будь у нее сердце в груди, оно сейчас перестало бы биться. Вокруг них воцарилась полная тишина. Даже крики и рев животных умолкли, когда Эрлкинг произносил эти слова.

Он смотрел на нее, словно ожидая. Но что она должна была ответить? Это была всего лишь насмешка над любовью. У него не было к ней настоящих чувств. Она для него всего лишь пешка. И тем не менее он говорил так искренне и убежденно, что у Серильды – простой смертной девушки, – невольно закружилась голова от таких поэтичных слов, сказанных голосом, звучавшим как песня, даже когда он произносил жестокие угрозы.

– Вы... забыли выстрелить, – выдавила она.

Сверкнув глазами, Эрлкинг поднял арбалет.

Целясь прямо в нее.

Глаза Серильды расширились.

– Что?..

Тетива громко зазвенела. Просвистела стрела. Серильда вскрикнула и пригнулась.

Закудахтала птица.

Что-то упало на перила рядом с Серильдой, всего в нескольких дюймах от ее локтя.

Мимо ее лица проплыл клочок серо-коричневых перьев.

Серильда уставилась на мертвую куропатку.
Смех короля эхом отразился от стен замка.
– Мы – муж и жена! Повара – готовьте пир!

Глава 6

Серильде велели подождать, пока ее не позовут, чтобы она и ее супруг могли появиться на празднестве рука об руку – спектакль продолжался.

Серильда не возражала против ожидания. Она никуда не спешила. Все слуги и служанки были заняты приготовлениями к пиру, оставив ее в благословенном, непривычном одиночестве.

Впервые за несколько недель Серильда почувствовала, что может вздохнуть свободно.

Дело сделано.

Она вышла замуж.

Она стала Ольховой Королевой.

Она ощущала не столько облегчение, сколько покорность судьбе. Прошло больше семи недель с тех пор, как Эрллинг объявил всем, что Серильда станет его невестой, и хотя девушка понимала, что король не шутит, она все же до последнего сохраняла отчаянную надежду, что до свадьбы дело не дойдет. Что-то помешает их союзу, или Эрллинг передумает, или... или случится еще *что-нибудь*.

Но теперь все свершилось.

Серильде не нужно было больше впустую тратить время, напрасно надеясь, что ей удастся избежать своей судьбы. Теперь она могла заняться тем, что поклялась сделать: убедить

Эрлкинга отпустить с миром пятерых детей, оказавшихся здесь из-за нее.

А потом, возможно, найти еще и способ спасти свое будущее дитя.

А если вдруг и это ей удастся, неплохо было бы снять заклятия. То, что лежит на ней. И то, что на Злате. Заклятие, заставившее весь мир забыть о королевской семье, некогда жившей здесь.

Как-нибудь.

– Жена моя.

Сидевшая на скамье Серильда вздрогнула и, подняв взгляд, увидела короля в золотом свете, падающем из окна. Ей часто приходило в голову, что при дневном свете он выглядит нереальным. Ольховый Король был одним из тех существ, кто всегда пребывает во тьме. Чей портрет можно нарисовать только углем и самыми черными чернилами. Чье лицо может вдохновлять поэтов, но только на стихи, где в каждой строчке слова вроде *меланхолия*, *могила* или *утрата*.

Она встала.

– Мой господин.

Король предложил ей согнутую в локте руку.

– Нас ждет торжество.

Серильда посмотрела на предложенную ей руку в широком рукаве черной рубашки. На какой-то миг – кратчайший миг – ей захотелось спросить Эрлкинга о клятвах. Что он

имел в виду? Считал ли он свои слова правдивыми или это была просто часть фарса?

Серильда постаралась унять дрожь. Проще было притвориться, будто его речи о вечной преданности ничуть ее не затронули.

Признать обратное было бы невыносимо.

Поэтому Серильда оставила свои вопросы при себе и положила пальцы на сгиб руки мужа.

Они направились к лестнице, ведущей в сад рядом с главным двором. Там их должны были ждать музыка, танцы и угощение – кроме подстреленной на церемонии дичи гостей должны были порадовать и множество других изысканных блюд, над которыми повара трудились всю неделю.

Но, не дойдя до ступеней, король резко остановился.

На уровне его глаз в дверном проеме болтался на бечевке кусок свернутого пергамента, перевязанный бархатным бантом.

Серильда недоуменно моргнула.

– Разве вы не видели его по пути сюда?

– Его здесь не было, – буркнул Эрлкинг, хватая висящий пергамент. Развязав бант и бросив его на пол, он развернул послание.

Заглянув через его плечо, Серильда стала читать.

Эрлкингу, Счастливому Владыке этого Замка,

Чтя древнейшие обряды, почитаю своим священным долгом следовать обычаям, заложенным предыдущими

поколениями. Разумеется, будучи человеком чести, вы понимаете, как важно продолжать славные традиции, сложившиеся при дворе Адальхейда.

А посему, поскольку в этом мы пришли к соглашению, я пишу вам настоящее письмо в знак своей доброй воли.

Узнайте же, что нашей новой прекрасной королеве – да правит она мудро и милостиво – в течение этой ночи не будет причинено никакого вреда.

Но не сможет она и стать вашей до уплаты вами полного выкупа.

Выкуп сей я обязуюсь назвать, убедившись, что вы, Ваша Мрачность, в полной мере пострадали от отсутствия очаровательной смертной, которую вам посчастливилось выбрать себе в жены.

Надеюсь, вы сможете потерпеть?

С совершенным и искренним почтением,

Ваш дух-буян

– Дух-буян, – одними губами чуть слышно прошептала Серильда.

Со свирепым рыком Эрлкинг с такой силой смял пергамент в кулаке, что Серильда испуганно отскочила.

– Что на этот раз задумал этот наглый призрак? – сказал он, оглядывая пустой зал, а его фарфоровая кожа приобрела аметистовый оттенок. Конечно, Эрлкинг знал, кто истинный принц и наследник этого замка, но упорно делал вид, что Злат – просто-напросто надоедливый призрак. Серильда сообразила, в чем причина: Эрлкинг не хотел, чтобы она

или его призрачные придворные, да и сам Злат, догадались, кто он такой на самом деле. При этом королю и в голову не приходило, что Серильда уже давно сама это поняла.

Она огляделась, но Злата нигде не было видно.

– Какие традиции? – спросила она. – Что за обычай?

– Ничего, обычная чепуха, – гневно раздувая ноздри, Эрлкинг протянул ей руку. – Пойдем.

– А я так не думаю, – раздался голос позади них, а затем на Серильду вдруг упала веревка и мгновенно обмотала ее, прижав руки к бокам.

Ахнув, она обернулась через плечо и увидела Злата, с кривой ухмылкой сжимавшего концы веревки.

– Да что ты...

– Пока выкуп не объявлен и не уплачен, ваша прекрасная невеста официально объявляется... похищенной.

Эрлкинг потянулся к поясу, на котором у него висело самое разнообразное оружие, но он опоздал.

Злат толкнул Серильду к ближайшему окну и посадил ее на подоконник.

– Наслаждайтесь балом, Ваша Отверженность! – крикнул он.

Лежащее внизу озеро сверкало золотом и лазурью – но им предстояло разбиться о зазубренные утесы под стеной замка, не долетев до воды.

Злат вытолкнул Серильду из окна и прыгнул сам.

Девушка падала. Кричала. Ветер трепал ее волосы и хле-

стал по щекам.

Но они со Златом не разбились о скалы.

Вместо этого они... исчезли в мгновение ока.

Серильда споткнулась и потеряла равновесие, коснувшись ногами твердой земли там, где ее только что не было. Вместо яркого солнечного света ее теперь окружали высокие колонны и помост с двумя величественными тронами, освещенными рядом канделябров.

Она бы обязательно упала лицом вниз, не удержи ее Злат за веревку. Он поставил ее на ноги и поспешно развязал.

А потом расхохотался.

– Надо было видеть его лицо! Именно на такое я надеялся!

Серильда повернулась к нему, сбитая с толку, ошарашенная. Полминуты назад она шла на свадебный пир под руку со своим злым и нечестивым мужем, потом ее похитили и выбросили из окна, и она должна была разбиться насмерть, но волшебным образом перенеслась в тронный зал замка.

– Как ты это сделал? – спросила она все еще дрожащим голосом. – И почему? Что ты...

– Позже все объясню, – перебил Злат, освобождая ее от веревок. – Идем, нам нельзя останавливаться. Твой муж догадается, что нас перебросило в тронный зал.

Он схватил ее за руку и бегом потащил к скрытой за возвышением узкой дверце, где, предположительно, могли ждать слуги, ожидающие приказов монарха. За дверцей тянулся темный узкий коридор в сторону кухонь.

– Злат, постой, – взмолилась Серильда, хотя и старалась не отставать. – Что мы делаем?

– Просто забавный свадебный обычай, – сказал Злат, останавливаясь, когда коридор разделился надвое. Оглядевшись по сторонам, он махнул Серильде, чтобы та следовала за ним. Повернул направо, затем взбежал вверх по лестнице, которая заканчивалась закрытой дверью. Злат приложил ухо к двери, прислушался.

– Что за свадебный обы...

Он шикнул на нее и отчаянно замахал руками.

Серильда скрестила руки на груди.

Выждав с минуту, Злат, весело сверкнув ей глазами, кивнул, чтобы она продолжала говорить.

– Что за свадебный обычай? – на этот раз она шептала.

– Да ты и сама знаешь, – улыбнулся он, – похищение невесты. Ее всю ночь прячут от жениха и отдают только после того, как он волей-неволей заплатит выкуп за ее возвращение.

– *Что?* – Серильда уставилась на него.

Злат вскинул голову.

– Разве в Мерхенфельде так не принято? Это очень весело. Вот увидишь.

Она покачала головой.

– Эрлкингу это все не покажется *очень веселым*, и ты это знаешь.

– Ты права, его это не обрадует, – хмыкнул Злат. – А вот меня да.

Вдруг он насторожился и поднял руку, снова призывая ее замолчать.

Они оба прислушались, и через некоторое время Серильда тоже уловила звук шагов. Сначала ей показалось, что они доносятся из-за закрытой двери, но нет, кто-то шел по коридору у них за спиной.

Злат осознал это одновременно с ней, и его глаза расширились.

Толкнув дверь, он снова сжал руку Серильды и потянул ее за собой.

Дверь захлопнулась за ними.

– Там! – раздался чей-то крик.

Серильда побежала; Злат несясь с ней бок о бок.

Они спешили сквозь гостиные и кабинеты, неслись по салонам для карточной игры и библиотекам, постоянно слыша темных, следующих за ними по пятам. Серильда совсем потерялась в этих лабиринтах – но вдруг поняла, что это мало ее волнует. Как и то, что ее похитили, если уж на то пошло.

Каждый раз, как они едва успевали увернуться от преследователей...

Каждый раз, когда Злат затаскивал ее в какую-нибудь нишу, а погоня проносилась мимо...

Каждый раз, когда они одновременно ныряли под стол или за занавеску, прижимаясь друг к другу так тесно, как только возможно, и изо всех сил пытались сдержать тяжелое дыхание и хихиканье, угрожавшее их выдать...

...каждый раз Серильде хотелось, чтобы ее никогда не нашли.

– Кажется, мы от них оторвались, – сказала она минут через двадцать, когда они со Златом прятались в высоком шкафу, набитом меховыми шубами и молью. – Пока, по крайней мере.

Злат стиснул ее ладонь – оказывается, все это время он не выпускал ее руку из своей. Даже когда Серильда спотыкалась и была уверена, что все кончено. Он только смеялся и подгонял ее, опрокидывая пару столов, чтобы задержать тех, кто за ними гнался.

– Не нужно нам было этого делать, – сказала Серильда, переводя дух. – Теперь он разозлится. Это слишком большой риск.

– Все будет хорошо. Он же не может обвинить тебя в твоём собственном похищении, правда? Кроме того, он все равно ждал, что я выкину какую-нибудь штуку. Было бы более странно – и вызвало бы подозрения, – если бы я вел себя благопристойно.

Серильда рассмеялась. В темноте она не могла разглядеть Злата, но точно представляла себе выражение его лица. Гордое, почти самодовольное. Она буквально *почувствовала*, как он ей подмигнул.

Ей хотелось возразить, но ведь он был прав. Король *действительно* ожидал от него какой-нибудь проделки.

– Считай, что это мой тебе свадебный подарок, – продол-

жал Злат. – Ни за что не поверю, что ты предпочла бы торчать на этом нудном пиру со своим возлюбленным и его чопорными подхалимами.

Серильда прислонилась к стенке шкафа, не обращая внимания на резные детали, болезненно впившиеся ей в лопатку.

– Ты прав. Я предпочитаю твою компанию.

– А если он не хотел, чтобы я тебя похитил, то должен был пригласить меня на пир. Уж хотя бы это-то он мог сделать.

– Злат, ты сделал это, потому что почувствовал себя обделенным?

– А ты бы не почувствовала? Я несколько дней подглядывал за поварами на кухне. Пир готовился невероятный. Как бы ты себя чувствовала, будь ты единственной во всем замке, кого не пригласили на такой праздник?

– Они обожают грандиозные торжества, что есть, то есть.

– И, как ни странно, вкус у них отменный. Все самое лучшее. Взять хоть посуду и сервировку. Фарфор из Оттельена. Дутое стекло из Верены. Даже половники необычные, с такой замысловатой резьбой.

– Возможно, Хульда вырезала их собственными руками, – улыбнулась Серильда. – Бьюсь об заклад, у них есть волшебные свойства, у этих половников.

– Не сомневаюсь. Столовые приборы, возможно, выкованы самим Тирром. А корзины для хлеба сплел... Фрейдон?

– Гм, наверное, тоже Хульда.

– Нелегко быть богиней труда – у нее, кажется, больше всего работы.

– Честно говоря, я подозреваю, что когда-то почти все, что есть в этом замке, принадлежало твоей семье.

Злат пожал плечами.

– Не задумывался об этом, но ты права. Я наверняка потомок людей с очень утонченным вкусом.

Они немного помолчали, и Серильде стало интересно, о чем думает Злат – все еще о пире или о семье, которую никак не может вспомнить.

– Я стараюсь не тревожиться, но не могу, – призналась она. – Меня беспокоит, что он может сделать, когда найдет нас.

– Вам не стоит волноваться, Ваша Ослепительность. У меня *все* продумано.

Серильда нахмурилась.

– Не смотри на меня так, – потребовал Злат, и она снова улыбнулась. Он никак не мог разглядеть в темноте ее лица. – Все *продумано*.

Серильда придвинулась ближе, так, что их плечи соприкоснулись.

– Они охотники, Злат. А мы заперты в замке, на острове, с которого не можем выбраться. Он нас найдет.

– Смысл не в том, чтобы бегать от него вечно. – Злат наклонил голову и прижался к ее лбу своим. – Только до захода солнца.

– А что случится на заходе солнца?

– Падет завеса, и начнется пир. Но начать без невесты они не смогут, а значит, ему придется платить за тебя выкуп, а значит, торговаться со мной. Духом-буяном. Это будет очень унизительно для него. *Вот* в чем смысл.

Серильда подумала об этом.

– Так все это только для того, чтобы его оконфузить?

– Ты так говоришь, будто это сущая мелочь.

– Ну... вообще-то да.

– Я не могу убить его, – возразил Злат. – И победить его не могу. Я не могу помешать ему взять тебя в жены. Оставь мне хоть это, Серильда.

Она сникла.

– Ладно. Значит, до захода солнца.

Закат.

До него оставалось не так уж долго ждать. Самое большее час.

Час.

А что они будут делать в течение этого часа?

Серильда прерывисто вздохнула, внезапно осознав, каким тесным было их убежище. С тяжелыми шубами, давящими со всех сторон. С деревянными стенками, которые так и норовили притиснуть их со Златом друг к другу. Его плечо, прижатое к ее плечу. Тепло его ладони. Мурашки по коже при каждом случайном прикосновении.

Если, конечно, они были случайными.

Так что же они *могли бы* сделать за час?

Злат откашлялся и отстранился от нее на дюйм – отодвигаться дальше не позволяла ему теснота.

– Во время церемонии, гм. . . – начал он и откашлялся еще раз, – было произнесено несколько довольно впечатляющих клятв. Кое-что звучало даже почти романтично.

Он будто точно знал, что надо сказать, чтобы чувства, начинавшие бурлить и закипать в Серильде, моментально остыли.

Она выпустила его руку и вжалась в свой угол шкафа.

– Просто его очередная игра, – сказала она, жалея, что так разволновалась чуть раньше, потому что из-за дрожи в голосе эти ее слова прозвучали не слишком-то искренне. – Он просто насмехался надо мной.

– Ну да, ну да. Это действительно звучало как насмешка.

– Злат, ты же знаешь, я его не люблю. И никогда не смогла бы полюбить. Он не может мне даже просто *понравиться*. Я бы никогда не выбрала его, будь у меня другой выход.

– Конечно, – сказал Злат. – Конечно, я знаю.

Но она не была уверена, что верит ему.

– Он убил моего отца, – сказала она более решительно. – Он убил. . .

– Тише!

– Нет, Злат, ты должен. . .

– Серильда!

Она замерла, тоже услышав то, что слышал он. Вой.

Они выпустили адских гончих.

– Отлично, – прошептала Серильда. – Сколько им нужно времени, чтобы нас найти? – Она помолчала, размышляя. – *А могут* ли они нас найти? Мы духи. Они все равно нас чувствуют?

– Нас, может, и нет, – сказал Злат. – Зато, уверен, они легко учуют этот нелепый наряд, который на тебе.

Серильда провела рукой по боку своего кожаного колета. Она напрочь забыла об охотничьем костюме.

– Тебе не нравится?

В ответ раздалось бурчание, и Серильда не поняла, как его истолковать.

– Знаешь, – сказал Злат, – было бы проще, если бы ты могла просто...

Серильда услышала щелчок пальцев.

Затем стало совсем тихо.

– Злат? – Она протянула руку, но пальцы наткнулись на пустоту, а потом на заднюю стенку шкафа.

Скрипнула дверь, и на Серильду пролился поток света. Она вскинула руку, защищая глаза.

– Пойдем, – позвал Злат и, схватив ее за руку, притянул к себе. – Как ты думаешь, ты могла бы попробовать?

– Да что попробовать-то? – спросила она, щурясь, когда глаза привыкли к лиловому свету. Приближались сумерки. – Сделать... как ты? – Она щелкнула пальцами, подражая Злату.

– В самую точку. Ты обязательно научишься, рано или поздно.

– Ты думаешь?

– Просто попробуй. Встретимся у ворот.

С этими словами он исчез.

Серильда нахмурилась.

– Воображала. – Но в ответ снова раздался вой, гораздо ближе, чем раньше. – Ну и ладно. Попытка не пытка.

Она крепко зажмурилась и как можно яснее представила себе сторожку над подъемным мостом. Потом подняла руку, щелкнула пальцами.

И стала ждать.

Что-то вокруг изменилось, Серильда была в этом уверена. Свет, просачивающийся сквозь ее веки, стал другим, более тусклым.

Она осторожно открыла сначала один глаз, потом другой.

Это точно была не сторожка. Вместо этого Серильда перенеслась в каморку, которая прежде была помещением для охраны, а теперь служила для хранения разного барахла и – судя по соломенным тюфякам на полу – для приюта некоторых призраков.

Серильда еще долго стояла молча, прислушивалась. Убедившись, что ни собак, ни человеческих шагов не слышно, она подошла к двери и, приоткрыв ее, выглянула в маленькую столовую с длинным узким столом и скамейками.

Вдруг с той стороны двери появилось чье-то лицо, в

нескольких дюймах от ее собственного. Серильда взвизгнула и захлопнула дверь, отпрыгнув далеко назад.

И натолкнулась на кого-то – а ведь только что здесь точно никого не было. Чьи-то руки обхватили ее. Серильда открыла рот и набрала в грудь воздуха, чтобы закричать.

– Ш-ш-ш, это я!

Крик застрял у нее в горле.

Вырвавшись, она развернулась и увидела сияющего Злата.

– Извини, – примирительно сказал он. – Я не хотел тебя пугать.

С неистово колотящимся сердцем она показала на закрытую дверь.

– Там тоже был ты?

– Ага. Когда ты не появилась в сторожке, я подумал, что стоит проверить это место. Сторожка, караулка – их легко перепутать. Со мной тоже так было, когда я в самый первый раз сумел это проделать. Ну, лиха беда начало. И, во всяком случае, нас до сих пор не поймали.

Пытаясь отдышаться, Серильда снова прислушалась. Ей показалось, что она слышит какие-то голоса, но они звучали далеко и, возможно, доносились из дальнего двора.

Большого двора. Того, где сейчас собрались темные – те, что не принимали участия в поисках пропавшей невесты.

Где слуги заканчивают приготовления к праздничной ночи.

Где Серильду ждали дети.

Она сглотнула.

– Злат... Я думаю, что уже хватит. Он будет в ярости, а если он решит выместить злость на детях...

Она заглянула ему в лицо и увидела, как легкомысленная улыбка исчезла, сменившись тревогой.

– Он будет злиться не на тебя, а на меня. И не станет их за это наказывать.

– Надеюсь, но... я не могу знать наверняка. И ты тоже.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но помедлил.

– Когда он убил их, – продолжала Серильда, – это было сделано в наказание мне. Потому что я пыталась от него сбежать. И тогда вместо меня он забрал их.

Как только она произнесла эти слова, воспоминания о том ужасном утре вернулись, и глаза Серильды наполнились слезами. Сначала, узнав, что Охота забрала детей, она увидела в этом только угрозу и была уверена, что Эрлкинг вернет их домой, когда Серильда сдастся.

Но потом она увидела их тела...

– Это не твоя вина. – Злат обнял ее, прижал к груди. – Он чудовище. А ты не сделала ничего плохого.

Она всхлипнула, уткнувшись лицом в его рубашку.

– Может, и так, но все равно... теперь я несу за них ответственность. И если я разозлю его, то не представляю, что он сделает на этот раз.

Злат прижал ее к себе еще крепче и с досадой выдохнул.

– Проклятый кровожадный демон, вечно он все портит.

У Серильды вырвался сдавленный смешок.

– Хорошо. Если ты так волнуешься, я доставлю тебя обратно.

Кивнув, Серильда вытерла слезы.

– Хотела бы я бросить ему вызов, как ты, Злат. Но я не могу. Прости.

– Тебе совершенно не за что просить прощения. – Злат бережно взял в ладони ее лицо, провел большими пальцами по щекам, вытирая остатки слез.

– Я буду ему противостоять и бросать вызов за нас двоих.

Серильда улыбнулась сквозь слезы.

– Вот *это* настоящая романтическая клятва.

Злат так покраснел, что веснушки пропали, и на миг, всего на миг ей показалось, что он хочет ее поцеловать. Закрыв глаза, она подалась к нему.

Но Злат вздохнул, до боли тоскливо. А потом поднял голову и поцеловал ее – в лоб. Так легко и нежно, что Серильда почти не почувствовала поцелуя.

– Ладно, – сказал он. – Пойдем, требуем с него выкуп.

Глава 7

Серильда ощутила ароматы пира задолго до того, как они со Златом добрались до северной стороны замка. Музыканты выводили красивую, хотя и мрачную мелодию, эхом разносившуюся по залам. Звуки трепетных струн вальдзитера¹ почти полностью заглушали болтовню придворных. За то время, что Серильда провела в замке, она привыкла считать темных тихими и нелюдимыми. Они держались особняком, беседовали приглушенным шепотом и крались по залам замка, как безмолвные тени. Темные были вездесущи, но обычно Серильда видела лишь их неодобрительные взгляды и поджатые губы.

Поэтому ей всегда было странно наблюдать за тем, как они собираются на общие праздники. Эти праздники были не совсем такими, как в Мерхенфельде, – там народ распевал у костров скабрёзные песни и устраивал шумные танцы на деревенской площади под музыку, такую зажигательную, что ноги сами пускались в пляс. Но даже темные, при всей их угрюмой сдержанности, обожали празднества, и можно было увидеть, как они прижимаются друг к другу в медленном танце или поднимают одну чашу вина за другой до самого рассвета.

---

¹ Вальдзитер – струнный щипковый инструмент, появившийся около 1900 года в Германии (здесь и далее – прим. пер.).

– Подожди здесь, – сказал Злат, когда они с Серильдой подошли к большому открытому окну, выходящему в сад. Вскоре завеса, разделяющая их миры, растворится в угасающих лучах дневного света. Солнце уже опустилось за западную стену, длинная тень от нее упала на сад, даря освежающую прохладу после жаркого летнего дня. В это время года сад выглядел пышно. Густые травы так и норовили захватить мощные дорожки.

С ее места Серильде было видно, как слуги выносят последние блюда для пира. Казалось, все столы, какие только нашлись в замке, вынесли сюда во двор, покрыли их расшитыми льняными скатертями и осветили высокими канделябрами.

От аромата лука и чеснока, молотых семян горчицы и розмарина у Серильды потекли слюнки. В середине каждого стола был красиво выложен свежеиспеченный хлеб, по аппетитным золотистым корочкам стекали капли масла. Одни плетеные булочки были посыпаны маком и кунжутом, другие – соленым сыром, третьи – миндалем и фисташками. Вокруг хлеба красовались спелые плоды, сияющие, как драгоценные камни. Чего там только не было! Помидоры и спаржа, запеченные с маслом и травами. Нежные кабачки с начинкой из тонко нарезанной ветчины и золотистого изюма. Шкворчащие свиные колбаски на подушке из печеных персиков с сиропом. Жареные орешки и целые банки меда и варенья.

В ожидании начала пира в толпе сновали десятки слуг с

бурдюками эля, вина и ягодных настоек.

На самом видном месте стояли два плетеных кресла, но только одно из них было занято. Эрлкинг сидел на импровизированном троне боком, перекинув одну ногу через подлокотник и подперев голову рукой. Несмотря на небрежную позу, на лице его было написано сумрачное раздражение.

– Довольно! – вдруг рявкнул он, щелкнув пальцами, и призраки-музыканты тут же перестали играть. – Можно подумать, что вы не знаете другой музыки, кроме похоронной, для панихид.

Тут что-то привлекло внимание короля, и он вскинул голову. Мгновением позже перед ним возникла Гизела – повелительница гончих.

– Простите меня, господин, – низко поклонилась она. – Буян продолжает ускользать от нас.

Эрлкинг сильнее нахмурился.

– Мы изловили татцельвурма, но не в силах найти мою королеву, которая находится в этом замке?

– Вы ведь знаете, как этот призрак изворотлив. – Гизела опустила голову. – А ваша *королева*, как мне кажется, может перемещаться по залам замка так же, как и он.

– На твоём месте я бы следил за словами, – заметил король, постукивая пальцами по ложу арбалета, – иначе может показаться, что ты хочешь обвинить во всей этой глупой истории мою невесту, тогда как она – лишь несчастная пешка в одной из шалостей полтергейста.

Гизела покорно склонилась перед ним.

– Я не желала никого обидеть, уверяю вас.

Хмыкнув, король указал на Манфреда.

– Я больше не позволю духу забавляться, задерживая нас. – Он указал за дальнюю стену, над которой в беззвездном небе только что показалась растущая луна. – Завеса скоро упадет. Давайте же начинать пир, с моей невестой или без нее.

– Ну-ну, к чему такая поспешность, – раздался новый голос из сада.

Пораженная Серильда оглянулась – но Злата и след пропала. Она чуть отодвинула занавеску, ровно настолько, чтобы увидеть статую Эрлкинга, стоявшую в саду замка, – к ней-то сейчас и прислонился Злат, скрестив руки и поставив одну ногу на арбалет изваяния.

– Говорить такие слова не пристало тому, кто только что клялся в вечной преданности. – Злат окинул взглядом раздраженные лица темных. На протяжении веков его шалости раздражали не только Эрлкинга, но и других демонов. – Ты ведь вроде как ее любишь.

Эрлкинг не двинулся с места, по-прежнему сидя поперек кресла, однако все его тело напряглось. Они со Златом всматривались друг в друга, разделенные несколькими рядами самшитовых кустов и столами, ломившимися от еды, которой можно было бы досыта кормить весь Мерхенфельд до конца лета.

– Сегодня тебе здесь не рады, – сказал Эрлкинг. Он бросил на Гизелу взгляд, в котором был не произнесенный вслух приказ.

Серильда подалась вперед. Она не заметила, как группа охотников подошла к краю сада, зато сейчас видела, как они крадутся между деревьями. Время от времени среди них вспыхивали золотистые отблески.

Она вспомнила донесение Фриша. Злата искали еще до начала церемонии, решив связать его золотыми цепями. И вот теперь, когда он наконец показал себя, они тут как тут.

Злат рассмеялся.

– Будто мне хоть когда-то были рады. – Он указал на охотников в тени. – Эй, вы, сзади, я вас вижу. Но больше не попадусь ни в одну из ваших ловушек.

С этими словами он исчез.

Но тут же появился снова – да не где-нибудь, а примостился прямо на спинке трона Эрлкинга.

Появление, впрочем, не было особо удачным. Потеряв равновесие, Злат вскрикнул и завалился вперед.

Эрлкинг попытался увернуться, но Злат рухнул прямо ему на колени.

– Ой, какой я неловкий, – запричитал Злат, а король издал яростный рык, вскочил и схватил его за горло, едва не оторвав от земли. Держа Злата почти на весу, Эрлкинг выхватил кинжал и приставил к животу своего пленника.

– Чего ты добиваешься, буян? – спросил король.

Злат схватил короля за руку, сжимающую его шею, забился, пытаясь вырваться из его хватки...

Потом затих.

Улыбнулся.

Подмигнул.

И исчез.

Серильда выдохнула, только сейчас осознавая, что все это время следила за происходящим, затаив дыхание.

– Выкупа, чего ж тут непонятного, – заявил Злат, вновь появляясь на троне Эрлкинга и передразнивая величественную осанку короля. – Да еще... было бы недурно немного эля. У вас тут его предостаточно. – Он поманил пальцем слугу с бурдюком.

Слуга, вытаращив глаза, уставился на Эрлкинга, который стиснул зубы.

Злат вздохнул.

– Хорошо. Тогда только выкуп. Как и обещал, я отпущу невесту в обмен на... Посмотрим... *Чего* я хочу? Хм, эту часть я, признаюсь, не продумал до конца. – Тут его внимание привлекли железные ворота, ведущие в сад. – Вот. Я готов обменять королевскую невесту на животных в зверинце! Освободите их!

Дзын-н-нь!

Громкий звон эхом отдался от стен замка – это арбалетная стрела ударила в спинку трона, точно туда, где миг назад находилась грудь Злата.

Серильда ахнула. Это произошло так стремительно, что она даже заметить не успела, как Эрлкинг выхватил свой арбалет.

Она не представляла, как Злату удалось исчезнуть вовремя.

– Что ж, – Злат высунул голову из-за трона и осмотрел арбалетный болт, впившийся в расшитую парчу, – не будем горячиться.

– Я начал уставать от этой игры, – сказал Эрлкинг.

– Да будет тебе, это же просто добрая шутка. Немного веселья, чтобы праздник лучше запомнился. Кроме того, ну что там какие-то зверушки, когда на кону настоящая любовь? Только не говори мне, что все твои клятвы были фарсом. Они казались такими искренними. – Опираясь локтем на спинку кресла, Злат улыбался во весь рот.

– Я не намерен платить выкуп, – заявил Эрлкинг. – Свою супругу я найду, когда сам этого захочу.

– Правда? И позволишь ей пропустить это веселое празднество, из-за того, что твоя гордыня слишком раздута, чтобы предложить несколько крошечных, символических залогов вашей любви?

– Крошечных залогов? – взревел Эрлкинг. – Вяжите его!

Золотые цепи появились ниоткуда и отовсюду. Серильда была в таком смятении, что не заметила приближения охотников.

А вот Злат, видимо, заметил, потому что снова избежал

плена, исчезнув в тот самый момент, когда цепи полетели к нему.

– Ладно, ладно! – крикнул Злат. Серильде и прочим зрителям не сразу удалось найти его, сидящего на садовых воротах. – Ну, тогда – что ты скажешь насчет дагута? Твоя невеста в обмен на одного неказистого горного козлика. Уж столько-то она наверняка стоит?

Эрлкинг все еще сжимал арбалет, он выглядел так, словно готов убивать. Охотники в кустах ждали его приказа.

– Ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь подумал, что этот забавный маленький зверек тебе дороже твоей прекрасной невесты, а? – предположил Злат. – Смотри, ты можешь и дальше продолжать пытаться меня поймать и опозориться еще больше, или... Ты можешь позволить мне одержать эту незначительную победу, а потом наслаждаться балом, бок о бок со своей прекрасной женой. Согласись, сделка не такая уж и плохая?

В долгой, мучительной тишине они смотрели друг на друга. Злат выглядел совершенно спокойным, даже беспечным, а вот Серильду трясло в ее укрытии. Она спрашивала себя, на что рассчитывает Злат – уж не надеется ли он однажды так разозлить Эрлкинга, чтобы тот решил избавиться от докучливого духа раз и навсегда. Может, его план был именно таков. Досадить Эрлкингу до такой степени, чтобы он сам снял со Злата заклятие и отправил его отсюда подальше.

Или – что более вероятно – убил бы его и позволил Велосу

забрать его душу.

Ненависть между этими двумя была почти физически ощутима, и Серильда диву давалась, как это Эрлкинг сумел вытерпеть Злата так долго.

Казалось, ситуация зашла в тупик, и гости на свадебном пиру начинали проявлять беспокойство. Серильда догадалась об этом, видя, как многие темные отвернулись от разыгравшейся сцены, теряя к ней интерес, а несколько охотничьих духов, имевших облик кошек и ворон, забрались на стол и деловито разрывали на куски оленью ногу.

Наконец Злат издал страдальческий стон.

– Умешь ты торговаться, ничего не скажешь. Что ж, отлично. Забудем о дагуте. Можешь ты отдать за нее хотя бы... – Злат пошарил вокруг глазами и остановился на пиршественном столе, – Вот *это*.

– Ты не приглашен на мой праздник, – сквозь зубы процедил Эрлкинг.

Злат округлил глаза.

– Как? А раньше мы были так дружны.

Эрлкинг снова поднял арбалет.

– Ну и пускай. Я и не собирался присоединиться к этому напыщенному празднику, – тяжело вздохнул Злат. – Я отдам невесту за *это*. За тот половник. Вон он лежит. Симпатичный, деревянный, с... резьбой. Что там на нем, ягоды бузины?

Эрлкинг помрачнел еще сильнее.

– Я не шучу, – продолжал Злат. – У меня никогда не было своего собственного половника для супа. А еще ходят слухи, будто здешняя посуда обладает магическими свойствами. Это правда?

– Нужно было ободрать с тебя кожу заживо, когда у меня был такой шанс.

– Я приму это как знак согласия. Да и как иначе, после всех клятв, которые ты давал сегодня? Только не говори, что твоя невеста не стоит и этого. Волшебный он или нет, это же всего-навсего деревянный ковш.

На этих его словах солнце скрылось за горизонтом, и завеса опустилась. Воздух замерцал, а затем мир стал ярче. Прохладный ветерок – нежнее. Все ощущения внезапно стали более острыми, и только сейчас, в сравнении, Серильда поняла, каким тусклым было ее существование за завесой. Она могла бы постепенно привыкнуть к унынию, серости, безжизненности в тених замка Адальхейд... если бы каждый месяц ей не напоминали о том, что скрывалось за границей двух миров. О том, какова она – настоящая жизнь.

Между тем внизу Эрлкинг выпрямился во весь рост.

– Отлично. Моя невеста в обмен на... половник.

Злат просиял. Он исчез, снова появился у стола и схватил половник, лежащий рядом с котелком ароматной летней хлебки.

– Приятно иметь дело с...

Его прервало пронзительное карканье. Подняв голову,

Серильда увидела кружащего над садом нахткраппа. Тот снова издал тоскливый крик, а затем уселся на спинку трона, предназначенного для Серильды. Птица склонила голову набок, устремив одну пустую глазницу на короля.

Глаза Эрлкинга сузились. Он взглянул на Злата и ухмыльнулся.

– Выводи мою невесту во двор, – приказал он. – Да поскорее. У нас гость, и мы с ней поприветствуем его вместе.

Глава 8

Серильда не стала ждать Злата. Пронзительный крик нахткраппа продолжал звенеть у нее в ушах, когда она бежала через замок. Сейчас она была на противоположной от внутреннего двора стороне крепости, но Серильда хорошо знала дорогу и решила, что вернее и проще добраться туда пешком, чем пытаться переместиться и по ошибке оказаться где-нибудь в подземельях.

Злат нашел ее, когда она мчалась по одному из любимых залов короля, украшенному ужасающими гобеленами.

– Вот ты где! – воскликнул он. – Я думал, ты будешь ждать у того окна!

– О чем он говорил, какого гостя имел в виду? – выдохнула Серильда. – Кто мог явиться в день солнцестояния?

– Не знаю. – Злат перешел на бег, чтобы не отстать от нее. – Я был занят, пытался найти тебя, но слышал краем уха, как призрак говорил что-то о смертной девчонке.

Смертная девчонка. Смертная девчонка.

Никто из ее знакомых не решился бы прийти в этот замок, когда завеса между мирами поднята. Или?..

Они уже почти добежали до двора, и Злат схватил ее за локоть, останавливая на месте.

– Серильда, прости.

Серильда была в недоумении.

– За что?

– За эту проделку с выкупом. Из-за нее он даже злее, чем обычно.

Серильда взглянула на резной деревянный ковш, который он все еще держал в другой руке.

– Ну, было весело, правда? Но теперь я должна пойти туда и вести себя как королева.

Злат отступил и отвесил пышный поклон.

– Разумеется, Ваша Ослепительность.

Качая головой и пытаясь привести в порядок бешено скачущие мысли, Серильда распахнула дверь замка и вышла на теплый ночной воздух.

Гости во главе с Эрлкингом уже собрались у моста. Серильда услышала, как щелкнул подъемный механизм, и встала рядом с мужем, делая вид, что ничего не случилось. Что ее не похищали со свадебного торжества и не обменивали на кухонную утварь.

Король искоса взглянул на нее.

– С возвращением, – насмешливо протянул он.

Она сжала губы и растянула их в улыбке.

– Какой сегодня был интересный день. Я слышала, у нас гости?

Подъемный мост опустился с тяжелым лязгом. За ним тянулся длинный каменный виадук к Адальхейду, городу, который за несколько месяцев до проклятия стал для Серильды почти родным. Увидев фахверковые дома вдоль берега

озера, разноцветные стены которых были освещены луной, она почувствовала неожиданный приступ тоски по дому.

По обеим сторонам длинного моста горели факелы, проливая теплый оранжевый свет на деревянные доски, булыжники – и маленькую фигурку в плаще, идущую к воротам.

Серильда сдвинула брови. Сделала неуверенный шаг вперед.

Фигурка шагнула ей навстречу и откинула капюшон плаща, открывая смуглую кожу, круглые щеки и густые волосы, собранные в два пучка на макушке.

Лейна. Мать девочки занимала в Адальхейде пост бургомистра, а сама она стала одной из первых, кто по-дружески тепло принял Серильду в городе. Эта девочка даже помогала ей разгадать тайну замка с привидениями.

– Это что же, смертный ребенок? – задумчиво спросил Эрлкинг.

Серильда сглотнула.

– Я знаю ее, мой господин. Она моя... Была моей подругой, или что-то вроде того. Но ей здесь нечего делать...

Она сбилась и замолчала.

Лейна не должна была быть здесь. О чем только она думала, решив явиться в замок в такую ночь? Ей следовало остаться там, в трактире «Дикий лебедь», и спокойно спать в своей постели.

– Какая удача, – сказал Эрлкинг. – Полагаю, она пришла нас поздравить.

Серильда нахмурилась еще сильнее. Ни Лейна, ни кто-либо еще в Адальхейде не могли знать о свадьбе. Серильда предполагала, что ее наверняка сочли мертвой – ведь она пропала в этом замке почти два месяца тому назад и не вернулась обратно.

Выпрямив спину, она шагнула вперед.

– Я поговорю с ней. Узнаю, зачем она...

– Стой.

Серильда замерла, скорее из-за напряженного тона короля, чем из-за самого приказа.

Она оглянулась, а Эрлкинг посмотрел на ее ноги.

Серильда проследила за взглядом. Кончики ее пальцев были всего в нескольких дюймах от досок подъемного моста.

Невидимая граница ее клетки.

– Вам придется подождать здесь, моя голубка. – И он нежно заправил прядь волос Серильде за ухо. Она поморщилась. – Я сам поприветствую нашу смертную гостью.

– Нет. Не надо. Умоляю – не губите ее.

Не обращая внимания на ее слова, Эрлкинг проплыл мимо, бесшумно ступая по мосту. Его изящная фигура мелькала в свете факелов, как призрачная тень.

Лейна инстинктивно отпрянула, но в следующий миг собралась и решительно выпрямилась. Она даже осмелилась сделать несколько шагов Эрлкингу навстречу.

Теперь Серильда рассмотрела, что девочка держит в руках маленькую корзинку.

Когда Эрлкинг был в нескольких шагах, Лейна сделала церемонный реверанс.

Серильда сжала кулаки. Ей пришлось строго-настрого приказать ногам не делать ни шагу дальше, чтобы заклятие не перенесло ее прямо в тронный зал. Сейчас она не могла рисковать, теряя драгоценные минуты, чтобы вернуться оттуда обратно к воротам. Но было мучительно, невыносимо оставаться на месте, глядя, как ее муж – убийца, похититель детей – приближается к одной из немногих живых людей, которые все еще были ей дороги.

Издали Серильда видела, как Эрлкинг говорит с Лейной, но, как она ни напрягала слух, слов было не разобрать. Беспомощно оглянувшись, она увидела Манфреда, стоявшего неподалеку с выражением стоического безразличия на лице. Чуть поодаль она заметила Ханса и Никеля и догадалась, что другие дети тоже где-то поблизости. Ханс с тревогой наблюдал за ней. Он никогда не встречался с Лейной, но наверняка заметил, как Серильда расстроилась из-за ее неожиданного появления.

Серильда тяжело сглотнула и попыталась скрыть ужас, изобразив нечто вроде приятного удивления. Но бросила взгляд на мост – и почувствовала, как лицо снова каменеет.

Странно бережно, почти по-отечески, Эрлкинг взял Лейну за руку и повел ее к замку.

Глаза Лейны были круглыми, как полная луна, и, хотя девочка шла с высоко поднятой головой, видно было, как она

дрожит. Серильде очень хотелось ободряюще улыбнуться ей. Но с каждым шагом, приближавшим Лейну к этому замку, к этому кошмару, который заманивал потерянных детей и никогда не отпускал их, рот Серильды наполняла горечь.

– Смотрите, – заговорил Эрлкинг, – эта маленькая смертная решила встретиться с нами в ночь солнцестояния, чтобы преподнести особый подарок моей супруге.

Лейна аж споткнулась.

– С-супруге? – пробормотала она еле слышно.

Эрлкинг смотрел на нее с лучезарной улыбкой. Если он и собирался причинить этому ребенку вред, сияющее лицо короля не выдавало его намерений.

Серильда слышала множество историй о том, как Эрлкинг и его свита забирали детей прямо из дома или очаровывали их, когда те бродили по лесу. Это всегда представлялось ей чем-то ужасным. В ее воображении темный злобно ухмылялся, ребенок с криком пытался вырваться, убегал – но его настигал боевой конь, лягаясь и брыкаясь, а всадник швырял дитя, бьющееся у него в лапах, поперек седла.

Теперь этот образ был почти стерт той нежностью, с которой Эрлкинг держал за руку Лейну. Лейну, которая, возможно, была слишком доверчива. Серильде хотелось крикнуть девочке, чтобы та не поддавалась чарам Эрлкинга. Что он скверный, злой насквозь. Лейна сама слышала о нем немало историй. Она должна понимать.

– Это правда, – говорил король. – Сегодня госпожа Се-

рильда поклялась стать моей королевой.

Лейна моргнула. И устремила испытующий взгляд на Серильду.

Серильде ничего не оставалось, как кивнуть, крепко сжав губы.

К ее ужасу, Лейна расслабилась – как доверчивый ягненок, которого ведут к поджидающим кровожадным демонам и упырям. Хотя ее страх можно было пощупать рукой, таким же явным было и удивление, с которым девочка озиралась вокруг. Замок предстал ее глазам во всей красе – не те руины, которые Лейна видела с берега каждый день своей жизни. На темной стороне завесы это был шедевр архитектуры. Элегантные башни, высокие шпили, каменная кладка, мерцающая под серебряной луной, витражи с изображением семи древних богов, сияющие на верхнем этаже крепости.

Правда, все это великолепие портили притаившиеся повсюду чудища. Призраки со смертельными ранами, никогда не перестающими кровоточить. Гоблины, которые, примостившись на крышах близлежащих конюшен, грызли куриные кости и горящими зелеными глазами наблюдали за гостью. В этот самый миг с верхнего этажа одной из угловых башен раздались завывания бацалотша², и от этого мерзкого воя Серильда покрылась гусиной кожей. Она-то уже привыкла к множеству жутких тварей, обитавших в этих стенах,

---

² Бацалотш (нем. bazaloshtsh) – в германской мифологии дух сродни кельтскому банши, своим плачем возвещающий чью-то скорую смерть.

но представляла, как потрясена сейчас малышка Лейна – в точности как сама Серильда, когда впервые здесь очутилась.

Эрлкинг остановился, как только они с Лейной достигли подъемного моста.

Лейна рассматривала великолепный охотничий костюм Серильды. У девочки был смущенный вид, но она, кажется, была польщена, что к воротам замка ее вел под руку сам Эрлкинг.

Лейна с Серильдой долго смотрели друг на друга.

Затем девочка отстранилась от короля и подняла корзинку. С застенчивой улыбкой она заговорила:

– Помнишь? Я же пообещала тебе, что, если ты умрешь и станешь призраком замка, я принесу тебе медовые ореховые лепешки. Твои любимые.

Только теперь Серильда уловила знакомый сладкий запах, доносящийся из корзины, сладкий и ореховый.

Из ее горла вырвался вскрик.

Серильда бросилась к Лейне, подхватила ее на руки и закружила, приподняв над землей.

Лейна взвизгнула и рассмеялась.

– Я принесла тебе еще кое-что, – затараторила она, как только Серильда поставила ее на землю. – Это книга сказок из библиотеки госпожи Фриды. Ее вроде какой-то известный веренский ученый написал. Фрида говорит, что эта книжка не успевает в библиотеку вернуться, как ее снова берут. Ох и разозлится она, наверно, когда узнает, что я забрала послед-

ний экземпляр, но... Я подумала, что истории тебе понравятся.

Со слезами на глазах Серильда заглянула в корзину. Маленькие лепешки были завернуты в льняное полотенце, рядом лежала книга в искусно оформленном переплете.

– Спасибо, – выдохнула она. – И тебе, и Фриде тоже, даже если она и не знает, что ты взяла книгу. У меня слов нет, как много это для меня значит... снова тебя увидеть. Как ты поживаешь? Как дела у твоей мамы?

– Все хорошо. – Лейна смущенно поглядывала то на Эрлкинга, то на темных придворных и призраков. – Они с Фридой стали встречаться в открытую, вот уж несколько недель. Наконец-то. Но без тебя в трактире совсем не то. Мы скучаем по твоим историям. – Она сглотнула. – Я была уверена, что, если Эрлкинг будет держать тебя в плену, то он сделает тебя своим придворным бардом или что-нибудь в этом роде. А теперь ты говоришь, что вышла за этого злодея замуж? Я-то думала, ты собиралась его убить!

Эрлкинг отозвался на это отрывистым смешком, и придворные последовали его примеру.

– Это долгая история. – Серильда обняла Лейну за плечи. – О, боги. Смертные в самом деле очень приятные на ощупь!

Лейна нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

Серильда широко улыбнулась. Недолгая радость от встре-

чи с давней подругой на время вытеснила ужас из ее души. В ту ночь, когда она впервые встретила Злата, тот лишился дара речи, прикоснувшись к ней. Никогда раньше он не драгивался до смертных и знал только зловещую холодность призраков. Он и представить себе не мог, что человек может быть таким мягким на ощупь, таким теплым.

Проведя всего пару месяцев в этом замке, Серильда понимала, что тогда почувствовал Злат. Обнимать Лейну было как укутаться зимней ночью в уютное одеяло.

– Ничего, – отозвалась она. – Ты не должна была сюда приходить, глупая девчонка.

– Знаю, – озорница так и просияла. – Мама меня убьет, когда узнает.

И хотя она шутила, эти слова снова вызвали у Серильды тоскливый, сосущий страх.

О, как она надеялась, что у Лоррейн еще будет возможность отругать, выбрать и надлежащим образом наказать дочку за это вопиющее пренебрежение к наиважнейшему правилу Адальхейда.

Никогда не переходи этот мост. Никогда не заходи в замок.

– В таком случае, – улыбнулся Эрлкинг, кладя руку на локоть Серильды, – мы сделаем все возможное, чтобы этот визит доставил вам удовольствие.

Король привлек Серильду к себе и, поднеся ее руку к губам, поцеловал ее запястье рядом с бледным шрамом от

стрелы.

Девушка вздрогнула.

– О, бросьте. Она должна вернуться, пока ее не хватились. – Она взяла корзинку у Лейны. – Спасибо тебе за прекрасный подарок. Пожалуйста, передай от меня привет...

– Не торопись, любовь моя, – перебил Эрлкинг, вырывая корзину из рук Серильды. – Это дитя – наша гостья. Она непременно должна насладиться нашим гостеприимством. – Его улыбка стала пронзительнее. – Ничего другого я и слышать не желаю. Мальчик!

Серильда не поняла, кого он зовет, но тут вперед вышел Фриш, и король вручил ему корзину.

– Отнеси это в покои королевы.

Фриш поспешил прочь, но по его кислому лицу Серильда поняла, как ему хотелось остаться и своими глазами увидеть, что будет дальше с отважной девочкой из Адальхейда.

Как только он ушел, Эрлкинг снова взял Лейну за руку и провел ее и Серильду через двор.

– Давайте праздновать.

Темные, монстры и призраки также последовали за ними в сад.

– Какую прекрасную ночь вы выбрали, чтобы навестить нас, – непринужденно говорил Эрлкинг. – Жена мало рассказывала мне о своих знакомых в Адальхейде. Я и не подозревал, что там у нее осталась такая прелестная подруга.

Серильда скрипнула зубами. Ей ясно представилось, что

Эрлкинг может сделать с Лейной, чтобы ей досадить. Ведь он был уверен, что уже отнял всех, кто был ей дорог. Мать, отец, любимые ученики – все погибли, всех забрала Дикая Охота. Не случайно Серильда никогда не рассказывала Эрлкингу про Лейну, ее мать и библиотекаршу Фриду.

– Так ты правда *вышла замуж*? – с тревогой спросила Лейна. – За него?

Серильда уклончиво улыбнулась – ах, если бы она могла все объяснить.

– Правда, – ответил за нее король. – Как бы ты описала нашу историю, любовь моя? Как волшебную сказку?

– О да, – подхватила Серильда. – Все было в точности как в сказке. Одной из тех, где чудовища поедают сердца детей, а героиня заточена в мрачном замке до конца своих дней. – Она взмахнула ресницами. – Сказка наяву.

Лейна в замешательстве наморщила лоб, но король лишь усмехнулся.

– Именно такие сказки я и люблю. Музыка!

Серильда подпрыгнула, хотя крикнул он не так уж громко.

Нервы у нее были как натянутые струны, внутри все кипело. Отпустит ли он Лейну?

Или оставит ее здесь – чтобы наказать Серильду или иметь еще один залог на случай, если она не выполнит их сделку?

Ей хотелось схватить Лейну и вытолкнуть ее за ворота. Велеть ей спастись бегством. Бежать со всех ног и никогда

сюда не возвращаться.

Но сделать это означало опасность навлечь гнев Эрлкинга – на Лейну. И на детей.

И поэтому, чувствуя себя беспомощной, она лишь благодарно кивнула музыкантам-призракам, когда те заиграли вальс.

– А теперь будем веселиться, – объявил Эрлкинг. Выпустив руку Лейны, он сделал знак детям, которые следовали за ними. Ханс тут же выступил вперед.

– Нашей гостье нужна пара для танцев.

Ханс растерялся.

– Я не умею...

Закончить фразу он не успел – его тело само собой согнулось в глубоком поклоне, затем он шагнул вперед и взял Лейну за руки. Лейна, на которую заклинание не подействовало, попятилась было назад. Ее широко раскрытые глаза были прикованы к зияющей ране у Ханса на груди. Но, какие отвращение и испуг ни наполняли ее сейчас, она не стала сопротивляться, когда Ханс закружил ее вокруг большого фонтана, ведя ее так искусно, будто учился танцам у одного из великих мастеров Верены. Уже скоро ступор Лейны сменился удивленным хихиканьем, звенящим над кронами деревьев.

По щелчку пальцев короля за танцующими детьми последовала стайка призраков, вальсируя поразительно слаженно. Куклы на ниточках. Они улыбались сквозь зубы, а из откры-

тых ран на освещенные факелами дорожки капала кровь.

– Так кто эта девочка? – осведомился Эрлкинг. Он сохранял спокойный и благожелательный вид, но от Серильды не укрылось, как внимательно он изучает Лейну. Пытается определить, насколько она привязана к Серильде, а Серильда к ней. Может ли девчужка быть ему полезной.

– Обычная девчонка, я познакомилась с ней в Адальхейде. Ее мать – хозяйка местного трактира. Мне приказали поселиться там на некоторое время. *Вы* приказали, если помните.

– Вы, помнится, упоминали, что трактирщица была весьма любезна.

– Так и есть.

– Дитя, должно быть, обожает вас, и, смею предположить... это чувство кажется мне взаимным. – Его зубы сверкнули в свете факелов. – Хотите оставить ее? Она могла бы стать моим свадебным подарком.

Серильда попыталась скрыть свой ужас за хриплым хихиканьем.

– О боги, ну уж нет. Вы и так вручили мне достаточно детей. Я начинаю чувствовать себя гувернанткой, а не королевой.

Король усмехнулся, но Серильда очень сомневалась, что сумела его провести.

– Мы должны устроить ей экскурсию по замку. Возможно, ей захочется посмотреть зверинец.

Еще бы Лейне не захотелось увидеть зверинец – собрание

волшебных существ, живых трофеев Дикой Охоты. Серильда была уверена, что девочка пришла бы в восторг. В Адальхейде у Серильды не было слушателя внимательнее Лейны, готовой часами слушать истории у очага в «Диком лебеде». Со временем Серильда-рассказчица стала известна на весь город, и жители Адальхейда стали собираться каждую ночь, чтобы послушать ее рассказы, но именно Лейна все равно сидела к ней ближе всех. С блестящими глазами, подперев руками подбородок, Лейна слушала, и ей всегда хотелось еще и еще. Еще сказок о ведьмах, троллях и маленьких детях, наказанных за непослушание. О рыцарях, сказочном народе и замках среди звезд. О чем угодно – только еще, еще.

Этим она немного напоминала Серильде ее саму.

Девушка замотала было головой, готовая умолять короля скорее отправить Лейну домой, но остановила себя. Любые мольбы все равно будут напрасны. Эрлкинг играет с ней, и если заметит, что она переживает из-за девочки, это лишь доставит ему удовольствие. Серильда не могла отделаться от ощущения, будто это наказание за то, что она позволила Злату похитить себя и выставила короля дураком.

И кроме того, Лейна *действительно* будет в восторге, увидев сказочных существ.

Поэтому Серильда изо всех сил постаралась не показать своей тревоги.

– Чудесная идея, мой господин.

Глава 9

Серильда потеряла счет тому, сколько вальсов выдержали дети. Фриш возвратился уже довольно давно, но все равно дулся, считая, что пропустил все веселье. Его приятелям, впрочем, не было весело. Их раздражало постоянное внимание короля – ведь обычно на правах личной свиты Серильды они пользовались изрядной свободой. Кому понравятся вечные приказы, даже если тебе просто велят танцевать? Только Лейна, судя по всему, была счастлива и, задыхаясь от восторга, кружила по саду.

Музыканты предложили девочке исполнить песню на ее выбор, но не знали ни одной из тех, что она предложила: они несколько отстали от моды. В конце концов Лейна уверила их, что ей и так нравится все, что бы они ни играли.

Пара охотников заморозила Лейну, упражняясь в метании ножей, и Серильда обмирала от ужаса, боясь, что в любой момент один из их кинжалов вонзится Лейне в сердце. Но демоны вели себя прилично и просто развлекались, не намеренные ни калечить, ни убивать.

Принесли булочки со специями и пирожные с фруктовой начинкой. В бокалы гостей постоянно подливали вино. Казалось, танцам не будет конца.

Прошла целая вечность, прежде чем Ханс и Гердрут, подхватив Лейну под руки, вновь подвели ее к Серильде и ко-

ролю.

– Ну и ну, – сквозь смех заговорила девочка. – У нас в Адальхейде не бывает таких пиров. Серильда, эти вкусности вообще можно есть? Я боялась попробовать, но я умираю от голода!

Стоявший неподалеку мужчина с серебристо-светлой кожей сухо усмехнулся.

– Человеческое дитя, очевидно, думает, что мы питаемся ядом и кровью маленьких девочек.

Женщина рядом с ним захихикала.

– И она недалеко от истины.

Лейна отпрянула. Видно, она успела забыть, что темные были и оставались злодеями, о которых недаром сложили столько леденящих душу историй. Они были невероятно утонченными и красивыми – и столь же злобными и коварными. С момента появления Лейны они в основном держались на заднем плане, но теперь Серильда увидела, как они подкрадываются все ближе. Их любопытство подстегивал интерес короля, а может быть, они просто почуяли новую добычу.

Серильде очень хотелось, чтобы такие мысли перестали крутиться в ее голове. Из-за них ей было слишком трудно оставаться спокойной, хотя бы внешне.

– Я никого не хотела обидеть, – заговорила Лейна; ее праздничного настроения как не бывало. – Просто... однажды Серильда рассказывала нам сказку о зачарованном зам-

ке, который был совершенно невероятным, но стоило кому-то съесть там хотя бы крошку еды, этот человек, – она замялась и посмотрела на Серильду, словно спрашивая, все ли запомнила верно (как будто тот замок действительно существовал, а не был просто глупой историей, придуманной забавы ради), – ...превращался в птицу. И был обречен до конца своих дней собирать семечки и орехи для королевы фей.

Среди темных раздалась смешки.

Лейна надулась.

– Какое милое дитя, – сказала женщина с волосами цвета тлеющих углей. – Мы должны оставить ее здесь.

– Я подумываю об этом. – Эрлкинг так сиял, словно это он сам придумал пригласить Лейну в гости. – А теперь идем, смертная девочка. Хочешь взглянуть на зверинец?

– Зверинец? – Глаза Лейны широко открылись. – А что там за... животные?

– О, они не похожи ни на одно из тех, что ты когда-либо видела. – Эрлкинг покосился на Серильду с еле заметной самодовольной усмешкой на темно-багровых губах. – Почему бы вам не пойти впереди, моя королева?

Серильда натянуто улыбнулась и сделала реверанс.

– С удовольствием.

Взяв Лейну за руку, она направилась по тропинке к дальней стене замка. Эрлкинг подал знак музыкантам, чтобы те продолжали играть.

– Надеюсь, гости не заметят нашего отсутствия.

– Идти очень далеко? – шепотом спросила оробевшая Лейна.

Сад, хотя и был освещен факелами, становился все темнее по мере того, как они удалялись от крепости с ее светящимися окнами.

– Все в порядке, – сказала Серильда, надеясь, что это не обман. – Король просто хочет произвести на тебя впечатление.

Лейна теснее прижалась к Серильде и зашептала:

– Когда я в последний раз видела тебя на Пробуждающуюся Луну, ты была так зла на него. Ты говорила, что он похитил девочку из твоей деревни и ты собираешься ее спасти. Серильда, я думала, я больше никогда тебя не увижу. По крайней мере, живой. Но... ты совсем не похожа на других призраков, которые здесь живут. А теперь ты еще и вышла замуж за Эрлкинга!

– Все очень сложно, – вздохнула Серильда. – Увы, я не могу все тебе объяснить, но знай – если бы я могла, я бы вернулась. Лейна, это очень опасное место. Темные умеют очаровывать, но не дай им себя одурачить. Постарайся сбежать при первой же возможности. Я хочу, чтобы ты ушла и никогда не возвращалась. Ты меня поняла?

На упрямой мордашке Лейны читалось несогласие, но Серильда крепко сжала ее руку.

– Помнишь детей, с которыми танцевала? Они жили в

Мерхенфельде, а он похитил их и убил. Им никогда не покинуть этого места, никогда не вернуться домой к своим родным. Я не вынесу, если он причинит вред еще и тебе. Только подумай, что тогда станет с твоей мамой.

Упрямство на лице Лейны сменилось выражением вины.

– Я не собиралась заходить в замок. Хотела просто оставить для тебя корзинку и убежать, но тут солнце село, и ворота открылись, и... мне так захотелось узнать, там ты или нет. Я хотела снова с тобой повидаться. Я и не думала, что могу зайти внутрь и увидеть... – Дойдя по тропинке до ворот, она вдруг замерла. – *Кто это?*

– Ты о чем? – Серильда вошла в ворота следом за Лейной. Они пересекли лужайку и остановились перед рядом позолоченных клеток.

Взгляд Лейны был прикован к исполинскому черному медведю с глазами, горящими, как факелы. Медведь отдышал лежа, но его светящиеся глаза были открыты и наблюдали за ними. В темноте он казался огромной черной глыбой, пушистой и – в таком полусонном состоянии – почти безобидной.

– Это бергейст, – пояснила Серильда. – Не советую подходить слишком близко. Он не может выбраться из клетки, но это не значит, что он не попытается схватить тебя через решетку. Он бы с большим удовольствием тебя съел.

Лейна благоговейно стояла перед громадным зверем, но вскоре ее внимание переключилось на следующую клетку. Восторженно ахнув, она бросилась к решетке:

– Ой! А это что за прелесть? Он-то меня не съест, правда? Серильда рассмеялась.

– Нет, этот совсем не опасен. Он называется дагут. Посмотри на его ноги – левые короче правых. Так легче ходить по горам, но только в одном направлении.

Зверь, похожий на самого обычного горного козла, заблеял.

– Хочу такого! – заявила восхищенная Лейна.

Они пошли вдоль ряда, и Серильда рассказывала девочке про каждого обитателя зверинца. Вот кролень, рогатый заяц. Та коза с птичьим клювом – шнабельгайс. А там – похожий на злого черного кота матагот.

– А вот это, – Серильда подвела Лейну к следующей клетке, по которой рыскало маленькое мохнатое существо, – дрека...

Ее оборвал вскрик.

Серильда повернулась на звук и прижала руку к губам.

Татцельвурм, самый поразительный зверь в этом зверинце, высунул длинный хвост из клетки и, обвив им лодыжку Лейны, повалил девочку на землю.

Лейна снова закричала. Она сопротивлялась изо всех сил, так, что ее пальцы оставляли глубокие борозды, цепляясь за землю – но татцельвурм все же волок ее по траве. Подтянув ее к себе совсем близко, он просунул сквозь прутья решетки коготь и проткнул им юбку Лейны, пригвоздив ее к земле. Это существо было похоже на змея с огромным чешуй-

чатым хвостом, двумя передними когтистыми лапами и головой, как у большой горной рыси, с узкими золотыми глазами и острыми ушами.

Нависая над Лейной, чудовище открыло пасть, обнажив ряд острых, как иглы, зубов. Опомнившись, Серильда бросилась вперед, схватила Лейну за руки и потянула прочь от клетки. Юбка девочки затрещала, из оторвавшегося кармана что-то выпало и, звякнув, упало на землю.

Татцельвурм зашипел и ударил хвостом, отбросив Серильду назад. Отлетев, она врезалась в кого-то. Мужские руки подхватили ее, чтобы удержать, и на одно безумное мгновение она подумала, что это Злат, – но это был Эрлкинг, склонивший набок голову и с любопытством наблюдавший за всем происходящим.

– Остановите эту тварь! – взвизгнула Серильда. – Помогите девочке!

– Зачем же? Раз уж вы не хотите оставить ее себе, пусть ею хотя бы полакомится наш питомец.

Издав возмущенный вопль, Серильда изо всех сил оттолкнула его. Эрлкинг отступил всего на шаг, но она все равно почувствовала себя немного лучше. *Вот вам и вечная преданность.*

Серильда снова рванулась вперед и схватила Лейну как раз в тот момент, когда татцельвурм прижался к решетке носом, обнюхивая добычу. Его голова была слишком велика, чтобы пролезть сквозь прутья, но передние когти нацелились

прямо на девочку. Лейна едва успела отпрыгнуть назад. Освободив юбку, она сумела с помощью Серильды отползти назад по траве. Вид у нее был жалкий: платье грязное и рваное, ленты в косичках совсем расплелись.

Но теперь татцельвурму было до нее не добраться.

Со вздохом облегчения Серильда упала рядом с Лейной и обняла ее. Атака была стремительной, все произошло очень быстро, но обе они успели здорово запыхаться. Хотя у Серильды не было сердца, ей все равно казалось, что она чувствует в груди его стук.

– Все позади, – сказала она, приглаживая волосы Лейны. – Отсюда он до тебя не дотянется.

Раньше она и не задумывалась о том, что Лейна в опасности. Серильде никогда не приходило в голову, что татцельвурм может просунуть свой змеиный хвост сквозь прутья клетки. Такого раньше и не случалось, по крайней мере, на ее памяти. Когда она была рядом с существом, оно всегда казалось послушным и тихим, даже подавленным. А сейчас его кошачьи глаза были широко раскрыты, но смотрел он не на Лейну, свой ускользнувший обед, а на маленькую безделушку, выпавшую у девочки из кармана.

Что-то сверкнуло золотом в тусклом свете. Татцельвурм зарычал и вцепился в вещицу когтями.

Нет – он не рычал.

Серильда нахмурилась. Он что... *мурлычет?*

– Ну-ну, – сказал Эрлкинг, неторопливо подходя ближе. –

Это не твоя вещь, червячок.

Мурлыканье или рычание, как ни назови, сменилось злобным шипением. Глаза татцельвурма сузились. Он наблюдал за королем, словно бросая ему вызов.

Эрлкинг его принял. Он подошел к чудовищу так близко, что смог бы засунуть руку в клетку и погладить черные кисточки на кончиках ушей татцельвурма, если бы захотел.

– Ну, будет, – сказал он тихо. – Отдай.

Татцельвурм долго колебался. Будто рассчитывал что-то. Его влажные ноздри раздувались с каждым вздохом. Серильда заметила пятно зеленоватой крови, вытекающее из раны у зверя на боку. В его длинном, извивающемся теле до сих пор торчала стрела – ее так и не удалили, не позволяя ране затянуться, хотя чудовище было поймано уже давно.

Быстрым как молния движением татцельвурм выпустил свое сокровище и вскинулся, поднимаясь на хвосте, рванулся вперед и снова ударил когтями между прутьев. Прямо Эрлкингу в грудь. Король увернулся, голыми руками поймав лапу зверя, резко толкнул ее вверх и назад, ломая кость о металлический прут клетки.

Раздался такой рев, какого Серильда никогда еще не слышала. Они с Лейной прижались друг к другу, слушая, как татцельвурм кричит на весь сад от мучительной боли. Лейна уткнулась лицом в шею Серильды.

– Я хочу домой, прямо сейчас.

– Понимаю, – сказала Серильда, целуя девочку в макуш-

ку. – Скоро.

Серильда поморщилась от страшного воя, а вот король, казалось, ничего не замечал. Ничуть не взволнованный – как если бы это мотылек сломал крылышко, – он сунул руку в клетку и взял безделушку, которую татцельвурм не хотел отдавать.

Зверь больше не пытался напасть, даже когда король повернулся к нему спиной. Рев боли перешел в жалобное поскуливание. Татцельвурм бережно втянул искалеченную лапу через прутья и, неуклюже прохромав в дальний угол клетки, кое-как приютился там, свернувшись в клубок.

– Очень любопытно, – заметил Эрлкинг. Он долго рассматривал предмет, который держал в руке, прежде чем, наконец, поднял его, чтобы показать Серильде. Она почувствовала напряжение Лейны, которая тоже смотрела на крошечную фигурку – лошадку, искусно сделанную из тонкой золотой проволочки.

Глава 10

Серильда сразу узнала фигурку. Это была одна из поделок, которые Злат мастерил втайне от Эрлкинга. Девушка сама помогала ему разбросать эти безделушки со стены замка в качестве подарка жителям Адальхейда на праздник в День Эострига. Для Злата это было своего рода развлечением, способом занять себя, но еще это ремесло помогало ему почувствовать связь с забытым его миром, частью которого ему больше никогда не стать. Благодаря этим подаркам, которые он преподносил людям раз в год, Злат заслужил у горожан добрую славу.

Но Эрлкинг ничего этого не знал и знать *не мог*.

– Милое дитя, – сказал Эрлкинг, – где ты достала такое драгоценное сокровище?

Лейна оторвала заплаканное лицо, которое прятала на груди Серильды.

– Это д-дух-золотильщик, – прошептала она.

Серильда окаменела. Такое имя жители Адальхейда дали своему таинственному благодетелю. Дух-золотильщик.

Король вертел в пальцах фигурку, и она сияла в свете десятков факелов на стене замка.

– Какое необычное золото. Оно благословлено богом, если не ошибаюсь. Очень ценный материал...

зря потраченный на такую легкомысленную забаву. Кто

же этот... дух-золотильщик?

Как Эрлкинг сумел с одного взгляда определить, что это истинное золото, вытканное с благословения Хульды, Серильда понятия не имела. Ведь такую фигурку мог сделать любой умелый ювелир.

– Разве ты не... – начала было Лейна, все еще дрожа, но тут Серильда откашлялась.

– Духом-золотильщиком в Адальхейде называют их городского ювелира, – заявила она. – Это очень уважаемый ремесленник, с магазином на главной торговой улице. – Наклонившись, она взяла Лейну за руку. – Это ведь мама тебе подарила? Она купила ее в той лавке?

Мгновение Лейна смотрела на нее, но потом кивнула.

– Д-да. На мой... день рождения.

Серильда подавила разочарованный вздох.

Врать Лейна совсем не умела, ее слова звучали слишком неуверенно.

Надо будет научить ее... если представится такая возможность.

– Как мило. – Эрлкинг выпрямился, возвышаясь над девушками, и издал благодушный смешок. – К несчастью, я не выношу лжецов.

Лейну снова начало трясти. Серильда обняла девочку, полная решимости защитить ее, хоть и не знала как.

– Нынче необычное солнцестояние, и я подозреваю, что гончие заскучают, если им не выпадет шанс поохотиться, –

продолжал король. – Ты будешь для них отличной добычей. Не думаю, впрочем, что ты долго протянешь.

– Нет! – вскрикнула Серильда. – Не трогайте ее! Оставьте ее в покое!

– Голубка моя, – сказал Эрлкинг, – вы ведь понимаете, что мы не можем терпеть неуважение со стороны этого ребенка.

Серильда гневно уставилась на него, понимая, что всю эту ночь он просто забавлялся, играя с ней и Лейной. Он с первой же минуты не собирался отпускать девочку. Конечно нет, ведь он мог использовать ее против Серильды.

Но небо над головой светлело. Приближался рассвет. Благословенный, дарующий надежду рассвет, который восстановит завесу над этим ужасным местом и вырвет Лейну из хватки короля.

– Что вы хотели от нее услышать? – огрызнулась Серильда. Она вскочила на ноги, крепко прижимая Лейну к себе. – Девочка вне себя от страха.

– Я всего лишь прошу ее сказать мне правду. Раз уж она отказывается выполнить эту нехитрую просьбу...

– Эта лошадка – подарок от *меня*, – отрезала Серильда.

– От вас? – повторил Эрлкинг.

– Я пряду золото, не так ли? Я благословлена Хульдой. Лейна пыталась защитить меня.

– Но почему это требует защиты?

Гнев охватил Серильду.

– Да потому что это было *ваше* золото. Я украла одну ка-

тушку на третью ночь, когда прятала для вас. Я не думала, что вы заметите, а потом вы сказали мне, что золото украл духбуян. И подвесили его в наказание, – она проглотила комок в горле, в самом деле полная страха – не пришлось даже притворяться. Ее рассказ был смесью лжи и правды. Она украла катушку с нитками, и Злат был наказан за это – и за многое другое. Но та катушка была отдана Пуш-Гроле и девам-моховицам, а вовсе не Лейне.

Но Серильда скорее проглотила бы собственный язык, чем рассказала об этом королю. Насколько она могла судить, Пуш-Грола была одним из самых ненавистных его врагов. Женщина такая же древняя, как и сам лес, взявшая на себя обязанность прятать и охранять существ Ясеневого леса, спасая их от короля и Охоты.

Эрлкинг прищурился, глядя на Серильду так пристально, словно пытался прочесть по ее лицу, правду ли она говорит.

Серильда вызывающе вздернула подбородок. Пусть только попробует ей не поверить, доказательств обратного у него все равно нет.

Словно одновременно эта мысль пришла в голову и королю, и он недовольно поджал губы.

– Это весьма ценный подарок для такого юного и такого... – его взгляд скользнул по Лейне, – беспечного существа.

– Беспечного? – воскликнула Серильда. – На бедняжку напало чудовище! Одно из *ваших* чудовищ!

Король только пожал плечами, как будто этот довод ничего не значил.

– И вообще, – продолжала Серильда, – раз уж я теперь королева, полагаю, у меня есть право делать любые подарки, всем, кому я считаю нужным.

Эрлкинг поднял бровь, глядя на нее, – предостережение, чтобы помнила о своем месте. Серильда вызывающе посмотрела на него и упрямо скрестила руки на груди.

– Не станете же вы наказывать меня за кражу. Тем более после того, как вы принесли такие убедительные супружеские клятвы. Не так ли, *любовь моя*?

Взгляд короля потемнел.

Но, прежде чем он успел ответить, Лейна осмелилась вывернуться из объятий Серильды, шагнула к Эрлкингу и протянула к нему дрожащую ладошку.

– Пожалуйста, ваше величество. Вы не могли бы вернуть мне мою лошадку?

Король замер, глядя на протянутую к нему руку. Внешне он казался спокойным, словно замерзшее озеро, но от Серильды не укрылся огонь в его глазах.

– Нет, – ответил он наконец, и его слово упало тяжело, как могильная плита. – Это золото мое по праву. С твоей стороны было глупо явиться сюда. Еще глупее было думать, будто ты смеешь о чем-то просить меня, Ольхового Короля, ибо единственный дар, на который ты можешь сегодня рассчитывать, – это безболезненная и быстрая смерть.

Все произошло так быстро, что у Серильды не было времени подумать. Король выхватил висевший за его спиной арбалет с быстротой и грацией человека, который проделывал это тысячи раз. Лейна стояла так близко, что ему даже не пришлось целиться. Один миг – и стрела лежит в желобке. Щелчок – и взведена тетива.

Несколько вещей произошли одновременно. Выпущенная стрела просвистела в воздухе. Серильда закричала. Ее руки потянулись к Лейне, чтобы оттолкнуть девочку в сторону.

Но руки Серильды прошли сквозь нее.

Так же, как и стрела.

Крик замер у Серильды в горле.

Она опоздала, но опоздал и король.

Или, быть может, наоборот, он точно рассчитал время. Убирая арбалет, Эрлкинг не выказал ни удивления, ни досады и выглядел совершенно спокойным. А потом шагнул прямо сквозь полупрозрачную фигурку Лейны, чтобы подобрать с травы стрелу.

Задыхаясь, Серильда упала на колени и потянулась к Лейне, но не смогла ее коснуться. Хотя солнце еще не показалось над стенами, верхние окна в башнях уже сверкали золотом в лучах утреннего света. Там, позади замка, солнце уже взошло. Равноденствие окончилось. Завеса вновь разделила миры, и Лейна, живая и невредимая, оказалась по другую ее сторону.

Лейна все еще стояла неподвижно, с круглыми глазами;

она больше не видела ни Серильду, ни Эрлкинга, ни зверинца. По своему опыту Серильда знала, что за завесой Лейна видит замок таким, каким он был в мире смертных. Полуразрушенным, в руинах, заросшим сорной травой и безлюдным.

И полным привидений.

Вскоре Лейна услышит и увидит призраков. Не таких, как здесь, – воспитанных и изящных, хоть и трагичных. А таких, какими они были в ночь, когда темные напали на замок и жестоко лишили их жизни. Там будут крики, кровь, рыдания и тени фигур, падающих под мечами и кинжалами невидимых врагов.

– Беги, – проговорила Серильда, которой очень хотелось схватить Лейну и как следует встряхнуть. – Беги. Уходи отсюда скорее.

– Она вас не слышит, – заметил Эрлкинг, придирчиво рассматривая кончик стрелы, прежде чем вернуть ее в колчан.

– Знаю, что не слышит, – огрызнулась Серильда, в которой бурлила ярость из-за его последнего трюка. Впрочем... был ли это трюк? Или он правда собирался убить Лейну? Серильде было тяжело оттого, что она не знала, какой из ответов правильный.

Часто и прерывисто дыша, Лейна положила руку на сердце, на то самое место, куда должна была попасть стрела короля.

По саду эхом разнеслось карканье. Серильда и Лейна ра-

зом взглянули вверх и увидели сидящего на кованых воротах безглазого ворона. Этого было достаточно, чтобы Лейна пришла в себя.

– Серильда? – позвала она, оглядываясь. – Ты еще здесь?

– Да уходи же! – Серильда даже топнула ногой. – Чего ты дожидаясь?

Снова каркнул ворон. На этот раз он еще и взмахнул крыльями, показав свои оборванные перья.

Лейна, обхватив себя руками, отошла от ворот на пару шагов. Хотя день обещал стать солнечным, воздух в час рассвета был пронизывающе холодным. Траву покрыла роса. Еще немного, и, как только на землю прольются солнечные лучи, над садом поднимется туман.

Лейна крепко зажмурилась.

– Серильда, если ты здесь... если ты меня слышишь... Я хочу, чтобы ты знала: я скучаю по тебе. И я никогда тебя не забуду. А еще...

Нахткрапп снова завопил. Лейна подпрыгнула, глаза у нее снова округлились, и она поспешно протараторила:

– ...еще я надеюсь, тебе понравятся лепешки!

Выпалив свои последние слова, она стремительно развернулась и со всех ног бросилась прочь из сада.

Серильда, сцепив пальцы, наблюдала, как маленькая фигурка Лейны исчезла за кустами.

– Пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке.

Король хмыкнул.

– Признаться, ваша привязанность к людям, этим паразитам, сбивает меня с толку.

Она взглянула на Эрлкинга исподлобья, и ее сердце застучало еще быстрее, когда Серильда поняла, что он смотрит не на нее. Король рассматривал маленькую золотую фигурку, вертя ее в руке. Размашистым жестом мужчина сунул лошадку в карман своей кожаной куртки и улыбнулся Серильде.

– Какое вы, оказывается, странное маленькое сокровище, моя королева, – сказал он, протягивая ей руку. – Пойдемте. Давайте пожелаем придворным спокойной ночи и удалимся в наши покои для новобрачных.

– Я бы лучше удалилась в яму, полную червей, – буркнула Серильда.

Он рассмеялся, и смех, к ее разочарованию, был веселый.

– Не искушайте меня, любимая.

Легким движением король подхватил ее на руки и понес в сторону замка. Серильда хотела было воспротивиться, но вовремя вспомнила, что хоть Лейна теперь в безопасности, есть и другие души, о которых ей нужно беспокоиться. Издав звук, похожий на тихое рычание, Серильда скрестила руки на груди и позволила королю пройти по двору, хвастаясь молодой женой среди всеобщего веселья. Многие темные до сих пор еще танцевали и наслаждались пиршеством, а призраки неустанно наполняли кубки вином.

Гости приветственно кричали и рукоплескали, когда их король проходил мимо с Серильдой на руках, но, как только

королевская чета скрылась в гулких коридорах замка, крики быстро стихли.

Убедившись, что здесь их никто не увидит, Серильда первым делом ударила супруга в нос.

Эрлкинг пошатнулся – наверняка, больше от удивления, чем от боли. Однако он даже не попытался остановить Серильду, когда она вывернулась из его хватки и неуклюже рухнула на ковер.

Она вскочила на ноги, до смешного довольная тем, что король держится за нос. Крови не было, но у темных ведь и не течет кровь, правда? Они просто... немного дымятся.

– Отсюда я сама найду дорогу, спасибо, – заявила Серильда, поправляя кожаную тунику.

– Я и не собирался нести тебя дальше. Так что незачем было меня бить.

– Хотите верьте, хотите нет, но для меня это был лучший момент вечера.

– О, я охотно верю. – Эрлкинг сверкнул глазами, но в них не было ярости. Скорее казалось, что он находит все это смешным.

Разумеется, от этого Серильда только сильнее рассвирепела. Выпрямившись, она оказалась с королем почти нос к носу.

Ну, или, точнее, нос к груди.

– Вы сделали меня своей королевой. – Она старалась четко выговаривать каждое слово. – Надеюсь, вы не думали, что

вам досталась одна из тех кротких, жалких смертных, которых вы так презираете, потому что, раз уж вы назвали меня королевой, то именно ей я и *стану*.

Эрлкинг выдержал ее взгляд (как же ее бесило это непроницаемое лицо, по которому ничего нельзя прочесть!), и его улыбка немного смягчилась.

– Нет, – почти промурлыкал он. – Кроткую и жалкую смертную королеву я не хочу. Кажется, я неожиданно для себя сделал правильный выбор.

Эрлкинг наклонился к Серильде; длинные волосы, соскользнув с его плеча, коснулись ее руки.

– Сдается мне, вы настоящий подарок судьбы.

Серильда замерла – ведь по сути дела Эрлкинг только что помянул Вирдита, ее божественного покровителя. Она выдержала взгляд короля, стараясь быть смелой, хотя в голове у нее царил хаос. Сам король всегда считал, что ее благословила Хульда. Так почему же он так сказал? Что ему известно? И значат ли его слова хоть что-нибудь?

Король снова просиял, заулыбался, сверкнув острыми зубами. Одними губами он коснулся ее щеки, и у Серильды заledenела кровь во всем теле.

Она отстранилась от него.

– Я прошу вас приберечь эти нежности для выходов в свет.

– Как вам угодно... Ваше величество.

Яростно тряхнув головой, Серильда решительно зашагала

по коридору к своим комнатам. Надменный смех Эркинга преследовал ее всю дорогу.

Громова луна

Глава 11

Больше месяца прошло с тех пор, как Серильда стала Ольховой Королевой. Все это время Эрлинг с гордостью выставлял ее напоказ, словно лучшую свинью на празднике урожая, которую он с радостью демонстрирует публике, а потом с ничуть не меньшей радостью заколет, когда придет время. Пиршества продолжались, часто они тянулись с вечера до тех пор, пока над стенами замка не поднималось солнце. Вино и эль лились рекой, залы замка наполняла музыка, слуги сновали, угождая хозяевам, – хотя Серильда видела, что все они вымотаны и раздражены затянувшимся весельем.

Она и сама была измотана. Устала растягивать в улыбке губы. Устала от ледяных пальцев короля, глядящих ее шею или запястье со шрамом, как только они оказывались на людях. Устала лгать, постоянно лгать и притворяться.

Единственная ночь, от которой Серильда ждала передышки, – полная Золотая Луна, взошедшая вскоре после солнцестояния, – этого отдыха не подарила. Большую часть ночи охотники потратили, устроив незапланированное состязание в стрельбе из лука, задержавшее их в замке почти до рассвета. Когда они наконец ушли, у Серильды и Злата оста-

лось всего несколько часов на поиски своих тел, пока не вернется Дикая Охота. Поиски ничего не дали – Серильда со Златом только испугнули нескольких громадных пауков, которые, вероятно, бродили по замку так же долго, как и сам принц.

Но неожиданно, на другой же день после Золотой Луны, Серильде пришла в голову великолепная идея. Они со Златом уже побывали в комнате, где – Серильда это знала – Эрлинг что-то прятал. В жутковатом месте неподалеку от зала с витражами, изображающими богов, том самом месте, где на нее нападали друиды, стоило только подойти поближе.

В той комнате был и заколдованный гобелен, и какая-то клетка, занавешенная тканью, легкой, как паутинка. По крайней мере, попав туда впервые, Серильда решила, что это клетка, но потом ей пришло в голову, что это может быть что-то совершенно другое.

Гроб, например. В котором, быть может, лежит тело зачарованного принца.

Имелся только один способ проверить догадку, и вот теперь Серильда нетерпеливо выстукивала пальцами дробь по парчовому платью, весившему не меньше, чем целый королевский боевой конь. На этот раз, с приближением Громовой Луны, Серильда попыталась взять все в свои руки. Последние несколько дней она посвятила тому, чтобы у охотников ни в чем не было нужды и они могли отправиться в путь, как только сотрется граница между мирами. Она побывала

у кузнеца, конюха и главного повара и удостоверилась, что клинки наточены, кони ухожены и сыты, а столы для ужина накрыты задолго до заката – но не слишком рано, чтобы охотники не напились и к появлению луны их бы не развезло.

Она так старалась помочь, чтобы Дикая Охота отправилась в путь сразу же после падения завесы, что даже заслужила похвалу короля, довольного ее внезапно проснувшимся интересом к охоте.

Но увы. Все усилия были напрасны.

Пока темные с аппетитом доедали свой ужин, Эрлкинг встал и, подняв бокал, заговорил. Раз его жена проявила такой интерес к охоте, сказал он, нужно вознаградить ее зрелищным показом доблести и мастерства охотников. Серильда не знала, что это значит, но все – и охотники, и их слуги – тут же засуетились и пришли в движение.

Показ должен был состояться на следующее утро в зверинце. Больше Серильде ничего не рассказывали, а самой ей было запрещено наблюдать за подготовкой. Король не желал, чтобы его сюрприз был испорчен.

И теперь она снова изнывала, дожидаясь, когда же закончатся приготовления и темные, наконец, уберутся из замка. Ни сюрпризы, ни охотничья доблесть Серильду ничуть не интересовали. До рассвета оставалось не так уж много времени, и с каждой минутой у них со Златом оставалось все меньше шансов отыскать свои тела – а ведь если им снова не повезет, то придется ждать еще четыре недели.

Четыре долгие мучительные недели.

Серильда не могла отделаться от ощущения, что Эрлкинг чувствует ее нетерпение, знает, как ей хочется его спровадить, и тянет время только для того, чтобы вывести ее из себя. Ведь на протяжении столетий Дикая Охота неизменно выезжала на каждое полнолуние. Так и занимались бы этим.

– Что вас так беспокоит, любовь моя? – проворковал Эрлкинг, искоса глядя на нее и натягивая кожаные перчатки.

– Просто интересно, сколько мне еще ждать. Ночь тянется очень долго.

– Вы так жаждете от меня избавиться?

– Да, – ответила Серильда без колебаний. – Постоянно.

Он уставился на нее, будто прикидывая, наказать ее за эти слова или посмеяться.

Наконец – наконец! – король приказал опустить подъемный мост, открыв дорогу в мир смертных за озером. В Адальхейде было темно, жители прятались по домам от Дикой Охоты, которая, как они знали, вскоре нагрянет.

– Может быть, вам стоило бы остаться, Ваша Мрачность, – раздался голос одного из темных. Серильда вскинула глаза и увидела придворного с бронзовым загаром. Поймав ее взгляд, темный усмехнулся. – Ваша супруга явно опечалилась, видя, что вы ее покидаете.

У Серильды было искушение забросать наглого демона камнями, но вместо этого она захлопала ресницами, как простодушная, кокетливая смертная девушка, какой они все ее

и считали.

– Я бы ни за что не стала отрывать своего мужа от его истинной любви – охоты. Но, конечно, я буду с нетерпением ждать его возвращения, – сладенько улыбнувшись, сказала она.

Эрлкинг едва заметно кивнул ей, его глаза засветились одобрением.

– Хорошей вам охоты! – воскликнула она. – Постарайтесь никого не похищать. Особенно детей. Разве что самых озорных и непослушных, из тех, что вытирают свои козявки о любимое платье младшей сестренки. Таких не худо и забрать. Ой, и еще тех, которые...

– Серильда, – прошипел Никель, яростно мотнув головой.

– Ах, ты прав, – спохватилась она и заулыбалась охотникам. – Лучше не надо никаких детей. И никаких матерей, если уж на то пошло. Это стало бы для детишек слишком сильным ударом.

Последние слова Серильда произнесла с обидой – и немалой. Ее собственную маму давным-давно унесла Дикая Охота. Серильда тогда только еще училась ходить. Очень долго Серильда надеялась, что встретит дух своей матери здесь, в замке. Но спустя несколько недель, придирчиво изучив лица всех женщин-призраков до единой, она убедилась, что ее матери здесь нет – ни у одной из здешних обитательниц не было темных волос и сколотого переднего зуба. Серильда потеряла надежду узнать, что же стало с ее матерью. Ведь, да-

же если та осталась жива, сама Серильда больше никогда не увидит внешний мир, застряв в замке, как в западне. Тоже по милости Эрлкинга.

Ханс прочистил горло.

– Может, они просто не будут вообще никого похищать?

– Ах. Ну да. Это очень разумно, Ханс. Ужасная привычка, эти похищения.

Эрлкинг, который до сих пор не обращал на нее внимания, привязывая к поясу охотничьи ножи, встретился с ней взглядом.

– Я не стану давать обещаний, которые не могу сдержать, – с этими словами он обнял жену за талию и привлек к себе.

Серильде потребовались все силы, чтобы не поморщиться, когда холодные губы коснулись уголка ее рта.

Почти сразу Эрлкинг отпустил ее. А мгновение спустя охотники оседлали своих скакунов. Заметив, как один из них наблюдает за ней, Серильда сжалась от страха, что кто-то из темных мог заметить ее отвращение.

Но на нее смотрела не темная, а призрак из замка – из числа тех немногих, кто присоединился к темным на их охоте, – женщина с перерезанным горлом. Однажды Серильда видела этот дух по другую сторону завесы – женщина тогда рыдала так, словно сходила с ума от раскаяния и вины. Ответив на взгляд Серильды понимающим кивком, она дернула поводья.

Король поднес к губам охотничий рог. Его зловещий звук

эхом отразился от стен замка. Выпустили гончих – угли у них под шерстью светились, как факелы.

Кавалькада пронеслась по мосту и скрылась из глаз на извилистых улицах города, залитых лунным светом.

Скривившись Серильда встряхнулась, прогоняя противное чувство от липкого прикосновения короля.

– Великие боги, я уж думала, они никогда не уедут!

Повернув назад, к центральной башне, она чуть не столкнулась с пятеркой маленьких призраков, изучающих ее любопытными взглядами.

– Куда это ты сегодня так спешишь? – спросил Фриш, скрестив на груди руки. – Ты что-то задумала?

– И без нас? – обиженно подхватила Анна.

Серильда вздохнула.

– Не говорите глупостей. Просто я очень рада, что они убрались. А вы разве не рады?

Дети не стали настаивать на своем, но было ясно, что они ей не поверили.

– Ничего особенного, – сказала Серильда, по очереди обнимая их. – Я просто хочу кое-что проверить, и только. Я вернусь в наши покои задолго до начала этого их... показа. Вы, кстати, не знаете, что он будет из себя представлять?

– Да не особо, – пожал плечами Ханс. – Но темные чему-то очень радуются, а это всегда подозрительно.

– Скоро все узнаем. – Серильда посмотрела на небо. – О, время уже позднее. Или... скорее, раннее. Думаю, вам пора

в кровать.

И, не дожидаясь ответа, она поспешила к главной башне.

У входа призрак сметал паутину с подсвечников, и Серильда не стала подниматься на второй этаж у него на глазах. Вместо этого она прошла в парадный зал и рассматривала гобелены до тех пор, пока слуга не ушел. Убедившись, что рядом больше никого нет, Серильда стрелой бросилась вверх по лестнице, ведущей к той самой комнате с витражами, которую все называли залом богов. По сути, это был коридор с семью окнами из цветного стекла, каждое из которых изображало одного из древних богов. Сквозь стекла пробивалось слабое сияние Громовой Луны.

На лестничной площадке Серильда приостановилась. Зал был пуст.

Прижимая ладони к складкам платья, она пошла по коридору, вглядываясь в стеклянные портреты. В последнем окне красовался Вирдит, бог историй и удачи. Бог, который исполнил желание ее отца и то ли благословил, то ли проклял его дочь, оставив в глазах Серильды метку в виде колеса фортуны.

Она остановилась, чтобы рассмотреть фигуру Вирдита, облаченную в желтый плащ с малиновой и оранжевой отделкой. Его волосы каскадом ниспадали почти до щиколоток – в лунном свете они казались черными, но днем стекло приобретало глубокий оттенок аметиста. В одной руке бог держал золотое перо, а в другой – длинный свиток. Но вместо

того, чтобы смотреть вниз, на свою работу, Вирдит мрачно, задумчиво глядел в небо.

Как будто решая чью-то судьбу.

Судьбу каждого.

Странно было видеть эту фигуру – этого бога, запечатленного сотни лет назад, и осознавать, какое огромное влияние он оказал на ее, Серильды, жизнь. Ее страсть к рассказыванию историй, когда-то доставлявшая ей столько радости. Привычка выдумывать и привирать, из-за которой она оказалась здесь, в замке Эрлкинга. Суеверные шепотки соседей, которые преследовали ее все детство. Множество несчастий, которые, быть может, случились по ее вине.

И вот он здесь, Вирдит, одетый в старомодную одежду, держит в руках нелепо длинное перо, которое явно могло принадлежать только какой-то волшебной птице. Серильда подумала, что даже на стенах у Эрлкинга нет чучела птицы, у которой могли бы расти такие перья.

Все это выглядело довольно напыщенно.

– Зачем ты это сделал? – пробормотала она, обращаясь к портрету. Бог не ответил; он продолжал смотреть вдаль, равнодушный к невзгодам своей смертной крестницы. – Почему было просто не исполнить желание? Подарить моему отцу ребенка, и все. Зачем было меня проклинать? Забывать мне голову всеми этими выдумками? – Серильда вспомнила историю о принце, убившем Перхту. Правдивую историю. Историю Злата. – И почему некоторые выдумки сбываются?

– Беседуем с богами? Ну и как?

Серильда обернулась и увидела Злата, держащего два тонких золотых меча.

– Пока разговор получается довольно односторонний.

Злат перевел взгляд на Хульду, изображенную с гигантской прялкой и золотой нитью на веретене.

– Зловредные они существа, правда? Разбрасываются благословениями, проклятиями, дарами, а потом... ни слуху от них, ни духу.

– Вирдит мог бы, по крайней мере, поделиться со мной своим инструментом, – Серильда показала пальцем на длинное перо. – Представляешь, сколько историй я могла бы записать, будь у меня перо длиной в две моих руки?

– То есть, ты хочешь перо вместо меча? – Злат поднял один из клинков. – Ну и ладно, оставлю себе оба.

– Так один из них для меня?

– Я подумал, что смогу решиться на всю эту безумную затею, только если мы будем вооружены.

Злат протянул ей один из мечей, и Серильда удивилась трепету, внезапно охватившему ее, стоило взяться за резную рукоять. На эфесе был изображен татцельвурм – символ королевской фамилии Адальхейда. Предков Злата.

– Где ты это взял?

– В оружейной, – ответил Злат. – Там хранятся хорошие штуки. Но учти, хоть друды и боятся золота, но это все же не боевой меч – скорее декорация. Лезвие не слишком остро

заточено, имей это в виду.

– Значит, мне придется отдубасить этих тварей до смерти. – Серильда попробовала взяться за рукоять так и этак, пока не нашла удобное для себя положение. Хотя меч был не слишком велик, он оказался тяжелее, чем она ожидала.

Тут она заметила деревянный половник, висевший у Злата на поясе.

– А это-то тебе зачем?

Злат опустил глаза на половник и поднес его поближе к свету.

– То есть как? Таким оружием тоже можно отдубасить кого угодно не хуже, чем мечом.

– Ну да. А можно зачерпнуть добрую порцию сытной мясной похлебки.

На его щеках появились ямочки.

– Мне нравится оружие, которое можно использовать по-разному.

– Я серьезно. Зачем ты таскаешь при себе эту штуку?

– Это единственная вещь, которую мне дал Эрлкинг, причем сделка была честной, – Злат пожал плечами. – Я ни за что с ней не расстанусь.

– Честная сделка? Ты меня продал!

– Так-то оно так, но... ты только полюбуйся, как этот ковш прекрасен! Его можно повесить на стену как произведение искусства.

Серильда закатила глаза. Потом вспомнила, что они теря-

ют время, и вздохнула.

– Ты готов?

– Ничутьточки. – Злат осмотрел коридор, ответвляющийся от главного зала.

Коридор, погруженный во мрак, плотный и непроглядный. По ночам в замке всегда было жутко, сколько факелов и люстр ни зажигай. Но это место было, пожалуй, самым пугающим из всех. Здесь жили настоящие чудовища. Монстры, которые дважды нападали на Серильду, как только она оказывалась в этом темном проходе, к которому ее необъяснимо влекло.

Эту часть замка облюбовали друды, жуткие твари с бородавчатой лилово-серой кожей, закрученными в спираль рогами и змеиными языками. Но ужаснее всего были их пронзительные, доводящие до безумия оглушительные вопли.

Друды были живым воплощением кошмарных снов. Они заставляли человека поверить, что сбылись все его потаенные страхи. Серильда до сих пор вздрагивала, вспоминая видения, показанные ей друдами. В них всех, кого она любила – Злата, ее отца, детей, Лейну и Лоррейн, – пытали и мучили. Убивали. А их отрубленные головы украшали стены замка...

Ей было еще страшнее оттого, что даже Злат побаивался друд, хотя однажды доблестно отбил сразу от двух страшилищ тем самым золотым мечом, который принес и сейчас. Злат, казалось, не боялся никого и ничего, даже самого Эрлкинга, но его неприязнь к друдам была такой же явной,

как темнота, прятавшаяся по углам замка.

– Здесь идеальное место, чтобы что-то спрятать, – сказала Серильда, – именно потому, что сюда никто не хочет приходить, даже ты. И еще мы знаем, что в этой комнате *что-то* есть. Что-то, что защищают эти уродины. И что король предпочитает держать в тайне. Мы должны проверить.

– Ага, если ты хочешь стать закуской для друды, – откликнулся Злат, плашмя постукивая мечом себе по плечу. – Замок огромен. Я уверен, тут есть много других мест, где мы еще не искали.

Но уверенности в его голосе не было. Злат провел в этом замке века. Этого времени хватило бы, чтобы случайно наткнуться на свое собственное не совсем мертвое тело.

Серильда остановилась на углу, всматриваясь в коридор. В полутьме она едва различала ряд тяжелых деревянных дверей, запертых наглухо, и высокие канделябры с незажженными свечами. Дальний конец коридора тонул во мраке. Туда-то и лежал их путь. Там была комната, которая звала и притягивала Серильду с самой первой ночи, когда она вошла в этот замок. Комната с гобеленом, который она так и не рассмотрела, – он, казалось, светился магией.

– Я только хочу сказать, – продолжал Злат, – что Эрлкинг вряд ли держит мое тело в каком-то роскошном торжественном месте. Швырнуть мою брентную оболочку в глубокое подземелье – вот это больше на него похоже. Эрлкинг мог бросить ее в яму или замуровать в стене. Да с него бы ста-

лось даже бросить мое тело в озеро. Меня, наверное, давно сожрали сазаны.

Серильда покачала головой. Да, Эрлкинг получил бы огромное удовольствие, наблюдая, как тело Злата поедает рыбы, но она была твердо уверена, что их со Златом тела должны оставаться нетронутыми, иначе заклятие развеялось бы. Она была убеждена, что важную роль в нем играют стрелы.

Эрлкинг проклял ее, пронзив стрелой с золотым наконечником ее запястье. Серильда догадывалась, что, как только они найдут свои тела, им останется только вытащить стрелы, которые привязывают их души к этому замку, и чары спадут.

Это просто.

Предельно просто.

Она раз за разом твердила себе это, чтоб не потерять надежду. Серильда знала, что они не могут убить Эрлкинга, бессмертного и несокрушимого. Еще она знала, что король ни за что не отпустит ее добровольно, пока Серильда не родит ребенка, которого он собирался подарить Перхте. И он уж точно не освободит Злата, которого ненавидит сверх всякой меры.

У них оставался только этот единственный способ. Найти свои тела, снять проклятие. Да, они сильно рискуют, и, даже если все *получится*, Эрлкинг, скорее всего, выследит их и притащит обратно. Но Серильда просто не могла сидеть сложа руки, притворяясь королевой темных и оплакивая свою

судьбу. Она должна была попробовать сделать хоть что-то, а ничего другого выдумать она не могла.

Вот только времени на поиски у нее было слишком мало. Эрлкинг большую часть времени держал Серильду при себе, выставляя ее напоказ перед двором и вынуждая изображать влюбленную невесту. Только Злат мог в любое время свободно передвигаться по замку.

И он побывал почти везде. Заглядывал всюду, пробирался в любое помещение, от личных покоев до винных погребов, кладовых и арсеналов, часовен, подземелий и гробниц. Серильда начала бояться, что они так ничего и не найдут, но потом вспомнила, насколько огромен и запутан замок. Настоящий лабиринт. Должно быть, он хранит еще немало тайн, с которыми не спешит расставаться.

– Никакие рыбы тебя не сожрали, – уверенно заявила она, крепче сжимая меч и выхватывая зажженный факел из подставки на стене. – Я уверена, что наши тела здесь, и не хочу искать их еще триста лет, когда они могут лежать прямо здесь, в конце коридора. Идем, Злат. Мы должны успеть до того, как вернется Охота.

Глава 12

Сжимая свой золотой меч, Серильда шагнула в темноту. Но не успела она сделать и шага, как Злат, ловко обогнув ее, оказался впереди.

– Эй, – прошипела она. – Я в состоянии себя защитить.

Злат покосился на нее с раздражением.

– Меня учили фехтованию. А тебя?

– Учили? Ты же ничего не помнишь из прежней жизни.

Откуда тебе знать?

– Всех принцев учат сражаться, – ответил он с самоуверенной ухмылкой. – И какой бы, интересно, из меня вышел принц, если...

Его прервали визг и хлопанье крыльев.

Серильда попятилась назад. Не успела она даже вспомнить о своем мече – боевом или нет, – как Злат бросился на нападавшего. В мигающем свете факела Серильда увидела сверкнувшее золото и блеск когтей. Она слышала, как отчаянно бьются кожистые крылья. Друда.

Взмахнув мечом, Злат отбросил тварь к стене. Та, завывая, рухнула на пол.

Воздух прорезал пронзительный крик второй друды.

Серильда завертелась на месте, но так и не смогла понять, откуда доносится звук.

А в следующий миг оказалось, что чудовище у нее над

головой. Разинув пасть с острыми зубами, друда рухнула на девушку с потолочной балки. Серильда завопила, но тварь миновала ее и вцепилась в руку Злата, разрывая когтями рукав. Злат зарычал от боли. Его меч со звоном упал на пол.

Первая друда расправила крылья. Шипя, она подпрыгнула и приземлилась Злату на другое плечо. Острые когти распороли ткань и кожу. Раззявив челюсти, друда испустила леденящий кровь вопль прямо Злату в лицо.

Злат отшатнулся и врезался спиной в стену. Обезоруженный, он тщетно пытался стряхнуть с себя друд. По его лбу каплями бежал пот, лицо исказилось – кошмары уже завладели его разумом.

Серильда услышала крик третьей твари. Как она ни всматривалась, друда оставалась невидимой в темноте.

Воткнув факел в ближайшую подставку на стене, девушка подняла меч. Повинуясь какому-то первобытному инстинкту, она согнутой в локте рукой захватила шею одной из друд, напавших на Злата, а потом полоснула ее лезвием по горлу.

Голова чудовища откинулась назад так далеко, что ее глаза-щелки смотрели прямо на Серильду, а морда была перевернута вверх ногами. Острый язык вывалился из пасти, в горле что-то заклокотало.

Тварь ослабила хватку. Крякнув, Серильда оторвала ее от Злата и швырнула на пол.

Злат уже не сопротивлялся. Слезы заливали его лицо, руки безвольно свисали вдоль тела. Первая друда продолжала

цепляться за его плечо, напивая разум кошмарами. Он истекал кровью.

С гортанным кличем Серильда бросилась на них и всадила меч твари в спину, точно между крыльями, на которых бугрились вздутые вены. Серильда рванула меч вверх, едва не попав Злату в плечо.

Друда завывала, извиваясь и дергаясь.

Серильда вытащила клинок. На руки ей брызнула вязкая, воняющая гнилью кровь, и тварь рухнула вниз.

Развернувшись и выпустив когти, умирающая друда поползла к девушке. Ее раздвоенный язык мелькал в воздухе. Из уголков пасти сочилась слизь.

Сделав шаг назад, Серильда наблюдала, как силы оставляют чудовище. Наконец, друда осела на пол и забилась в конвульсиях.

– Злат, – шепотом позвала Серильда, перешагнув через друду, и взяла его за руку. Леняная рубашка была сплошь пропитана кровью. Зрачки у него так расширились, что глаза казались черными, а невидящий взгляд метался по коридору. Злат дрожал всем телом так сильно, что Серильда едва сумела удержать его в объятиях. – Злат, это я!

Шипение заставило ее смолкнуть на полуслове.

Третья друда, больше двух первых, стояла в начале коридора, распахнув крылья.

Прерывисто вздохнув, Серильда нащупала рукоять меча и покрепче сжала ее в кулаке.

Хлопая крыльями, друда тяжело поднялась в воздух. Она приземлилась на канделябр, а оттуда перескочила на стену, царапая когтями каменную кладку. На ковер дождем посыпались осколки камня, а тварь устремила вперед. Вверх по стене, потом по потолку, словно гигантский паук.

Серильда попыталась встать в стойку, которую подсмотрела у Злата. В ладонь врезались драгоценные камни рукояти.

Друда кинулась на нее.

Серильда взмахнула мечом. Она промахнулась, но все же ее выпад заставил друду отскочить. С размаху ударившись о дверь, тварь повисла на ней, вонзив когти в дерево.

Дрожа всем телом, Серильда попятилась. Она отважилась убрать одну руку с эфеса меча и принялась шарить по стене. Она искала...

Издав вопль, друда снова бросилась в атаку.

Не к Серильде – к Злату, все еще стоящему в оцепенении. Заблудившемуся в кошмаре.

Серильда нащупала холодный металл. Отодвинула щеколду и распахнула дверь.

А потом она изо всех сил стиснула меч, замахнулась и метнула его в чудище, точно копьё. Меч прорвал друде крыло и со звоном упал на пол. Тварь взвыла.

Обняв Злата одной рукой, Серильда втащила его в открытую дверь и захлопнула ее пинком. Отпустив Злата, она трясущимися руками заперла дверь изнутри. Щеколда встала на

место с громким *дзынь*. У Серильды вырвался возглас облегчения.

– Ха! – воскликнула она, наполовину победно, наполовину растерянно. – Ну и кто из нас лучше умеет фехтовать? Она обернулась, и ее улыбка погасла.

Злат сидел на корточках, закрыв глаза руками.

Серильда смотрела на него. Он застонал – почти всхлипнул. Это стон казался жалобным, испуганным, полным отчаяния.

Кошмары еще не отпустили его.

Резко выдохнув, Серильда опустилась на колени рядом с ним.

– Злат, – заговорила она негромко, как говорила с детьми, когда они просыпались в слезах, увидев во сне нахткраппа и адских гончих. – Я здесь, Злат. Это всего лишь кошмар. Пора просыпаться.

Он снова застонал, но через мгновение его взгляд начал проясняться. Взгляд блестящих, широко открытых глаз неуверенно сосредоточился на ней. Злат тяжело перевел дух.

– Злат. Это я. Все хорошо.

Золотисто-рыжие ресницы дрогнули несколько раз, как будто движение век стирало с глаз остатки видений.

Потом он протянул к Серильде руки и обнял ее, прижав к груди. Девушка ахнула – от неожиданности, но еще и от силы его объятия. Она ощущала шеей его судорожное дыхание.

– Серильда, – сдавленно пробормотал Злат. – Ты была...

у тебя был меч. И ты могла убить Эрлкинга. Он был *прямо там*. Но вместо этого ты повернулась и ударила мечом *меня*. И лицо у тебя было такое... как будто ты меня ненавидишь. И всегда ненавидела. – Его передернуло. – Это было ужасно. – Это было не по-настоящему. Это все друды. – Серильда уткнулась лицом в спутанные волосы у него на виске. Злат отстранился от нее – настолько, чтобы он мог обхватить ее лицо ладонями. Чтобы видеть ее. Целую. Невредимую. Всмотреться в золотые колеса в ее глазах. Смотреть на ее впалые щеки. Ее рот...

– Серильда...

Он впился в ее губы. Жадно, пылко и отчаянно. Пальцы зарылись в ее волосы. Злат вернулся к ней – и мгновенно завладел всеми ее чувствами, пылающими и безумными.

Так же мгновенно все и закончилось. Злат оторвался от нее, бормоча извинения и пытаясь отдышаться.

– Прости. Я не подумал... Я не должен был... не собирался...

Серильда схватила его за руку. Чтобы заставить замолчать. Чтобы успокоиться самой.

– Не надо, – шепнула она почти беззвучно. – Пожалуйста. Не надо.

Их обоих била дрожь. Пальцы Злата мяли парчу ее юбки. Серильда вцепилась в его окровавленную рубашку и осознала это, только когда почувствовала, что руки стали липкими.

Они смотрели друг на друга, боясь дышать. Оба были

страшно испуганы. Серильда нашла в себе смелость прижаться к нему, прильнуть щекой к его щеке, и Злат, после долгого колебания, снова позволил себе обнять ее. Только гораздо нежнее.

Серильда не знала, кто из них двоих сейчас больше нуждается в утешении.

– Если бы ты только знал, сколько раз мне хотелось тебя поцеловать, – заговорила она. – Или чтобы ты поцеловал меня. Каждый день. Каждый раз, как я вижу тебя. И я знаю... я понимаю, почему между нами целая пропасть. Я понимаю, что будет, если... если он когда-нибудь узнает... но это не мешает мне хотеть.

Злат сначала не ответил. Он долго сидел, не шевелясь и сжимая Серильду в объятиях.

Пока, наконец, она не почувствовала, как его напряженные мышцы начали потихоньку расслабляться.

– Приятно знать, что я не один такой.

Серильда всхлипнула. Она и не заметила, что плачет. Напряжение битвы, короткой, но жестокой, наконец настигло ее.

Злат поцеловал ее в висок.

– Я все это время думал только о том, как тяжело мне. Смотреть на тебя... когда ты идешь к нему. Думать о тебе... – Он тяжело сглотнул. – Но мне следовало бы подумать о том, каково тебе. Серильда... – Злат снова отстранился, изучая ее. – Ужасно, что он запер тебя здесь. Правда ужас-

но. Но ты должна знать, что я для тебя готов на все. Я... — Он оборвал себя на полуслове, и у Серильды екнуло в груди, там, где должно было быть ее сердце. Что-то вроде надежды, что вот сейчас он скажет...

Вместо этого Злат устало застонал и взял ее за руки. Закрыв глаза, он поднес пальцы Серильды к своему лицу, прижался к ним щекой.

Он уже делал так однажды, в самую первую ночь, когда они познакомились. Это такая мелочь. Просто ласка. Просто капля нежности, украденная мальчиком, у которого отняли почти все.

От этого воспоминания Серильде захотелось снова заплакать.

И снова поцеловать его.

И рассказать ему все. О ней и Эрлкинге. О своем будущем ребенке.

Но это было бы слишком опасно. Она не знала, как Злат воспримет эту новость. Обрадуется, или испугается, или его захватит целый ураган чувств, которые трудно описать. Зато она знала, что, если она расскажет Злату, что беременна от него, он нипочем не согласится на ее план. И ни за что не станет притворяться, что его ребенок принадлежит Эрлкингу. А если Эрлкинг проведает, что Серильда открыла Злату правду... страшно даже представить, что он сделает с детьми, которых она отчаянно хотела защитить.

Поэтому она резко перевела дыхание и оглянулась на за-

партую дверь. И ничего не сказала.

В коридоре стояла тишина, и Серильда задумалась, уже не удалось ли ей прикончить и последнюю друду.

Снова взглянув на Злата, она будто заново увидела пятна крови на его рубашке.

– Ты ранен. – Она протянула к нему руку, но заколебалась, пальцы замерли в воздухе. – погоди, я поищу, чем тебя перевязать.

– Со мной все будет в порядке. – Страдальческое выражение на лице Злата сменилось улыбкой. – Я быстро оправляюсь. Ты только посмотри, Серильда. У нас получилось. Мы внутри. – Со стоном он поднялся на ноги, опираясь о стену. – И раз уж мы жизнью рисковали, чтобы сюда попасть, нам, наверное, стоит посмотреть, что тут есть.

Глава 13

Первым делом Серильда подошла к гобелену, тому самому, что висел в нише у самой двери. Ткань была изорвана, не то изрезана клинком, не то разодрана, и висела лохмотьями. Несмотря на плачевное состояние гобелена, Серильде всегда хотелось его изучить – ведь по смертную сторону завесы он сиял, будто что-то неведомое поддерживало и питало его. Среди руин замка, больше напоминавших груды камней, он оставался красочным и целым, не тронутым временем.

Но из-за друд Серильде никогда не удавалось как следует рассмотреть его поближе. Стараясь не дышать, она бережно подхватила два самых больших лоскута. Подняла их, собирая воедино разорванную картину. Подошел Злат и без лишних вопросов взялся за оставшиеся клочки, помогая заполнить пробелы.

Потом они вместе долго рассматривали то, что получилось. А получилось что-то очень милое. Королевская семья в саду. Фонарики вокруг, свисающие с ветвей деревьев. Король, королева, принц и принцесса.

Прелестный семейный портрет.

Вот только король и королева в своих роскошных нарядах и усыпанных драгоценностями коронах были мертвецами. Скелетами с темными глазницами и белыми зубами, застывшими в вечной ухмылке. Костлявые пальцы королевы

крепко сжимали руку дочери.

Принц и принцесса, напротив, казались совершенно живыми.

Златокудрая малышка была как две капли воды похожа на портрет девочки в медальоне Злата.

– Моя сестра, – выдохнул он, доставая медальон из-за ворота рубашки и открывая его, чтобы сравнить.

Хоть девочка на портрете в медальоне казалась чуть младше, но это была та самая принцесса с гобелена – это было ясно как день. Те же золотые локоны, вьющиеся у лица. Та же озорная улыбка. Серильда удивлялась, что не заметила сходства между ней и Златом, когда встретила с ним впервые. Сходство не бросалось в глаза: у девочки волосы были светлее и аккуратно уложены, а у него – рыжие, как медь, и вечно растрепанные. У нее глаза были ярко-голубые, у Злата – карие с золотистыми искорками. Оба светлокожие, но у принцессы не было и десятой части веснушек, что усыпали кожу Злата.

Однако было что-то более глубинное, что их роднило. Рвущаяся наружу радость, смех и озорство в глазах.

Серильда перевела взгляд на принца. Там, на гобелене. Злат.

– Ты уверена, что это я? – спросил Злат разочарованно.

– Несомненно.

Парень хмыкнул.

– Я похож на расфуфыренного идиота.

Серильда рассмеялась.

– Почему? Только из-за того, что в кои-то веки нормально одет? Или потому, что как следует причесался?

Он бросил на нее раздраженный взгляд.

– Только посмотри на этот воротник с кучей складок. Знаешь, как от них шея чешется? – Он аж поскреб шею от такого воспоминания.

– Наверное, вас заставляли *часами* позировать для портрета, чтобы у ткача получилось похоже, – сказала Серильда. – Ты, должно быть, ужасно мучился.

– Вот и мне так кажется. – И Злат криво улыбнулся.

– Со смертной стороны завесы, – сказала Серильда, – го-белен почти как новенький. Как будто его хранит магия. – Она провела пальцами по рваному краю одного лоскута. – Как ты думаешь, почему по эту сторону он порван?

– Может, проклятые друды постарались. – Злат оглянулся на дверь. Напряжение не оставляло их обоих, они ждали новой атаки. Но в коридоре царила тишина. – Или... не знаю... может, Эрлинг специально его уничтожил. Не хотел, чтобы я видел портрет своей семьи.

– В этом есть смысл, – согласилась Серильда.

Злат отвернулся.

– А может быть, этот жуткий замок просто жуткий, как и все, что в нем находится. Идем. Нам вообще-то нужно искать наши тела.

И, не сговариваясь, они повернулись ко второму таин-

ственному месту этой загадочной комнаты.

С балок и светильников ниспадал занавес из легкой материи, прикрывающий что-то вроде большой клетки. Серильде уже давно не терпелось посмотреть, что же там внутри.

Обеими руками подобрав подол платья, она скользнула вперед, опережая Злата. Занавес опускался до самого пола и собирался там складками; было похоже, что он провисел так, никем не тронутый, целую вечность, и в нем успели скопиться залежи пыли. Серильда приблизилась, очертания предмета стали прорисовываться четче, и у нее в груди шевельнулась надежда. Высотой ей до бедра, он был довольно длинным и по форме напоминал гроб. Достаточно большой, чтобы вместить то, что они ищут.

Они могут быть здесь. Их тела, ожидающие, когда в них вернуться души. Когда спадет проклятие.

Серильда раздвинула складки занавеси, ища вход. В воздух взметнулись клубы пыли, и ей пришлось подождать, пока они осядут. Но вот наконец Серильда нащупала край ткани.

Она отдернула занавеску.

Взглянула на клетку – и замерла. Из приоткрытого рта вырвался испуганный вздох.

– Именем Вирдита, это еще что?

Рука Злата нащупала ее локоть. Оба безмолвно устали на клетку.

Потому что это действительно была клетка – не гроб, не

украшенный драгоценностями саркофаг, в котором покоится брэнное тело проклятого принца.

Просто клетка с решетками из сияющего золота и днищем, сделанным, возможно, из цельного куска алебастра, хотя об этом было трудно судить – мешала густая жижа, собравшаяся на дне клетки и медленно стекающая по бокам, твердеющая со временем, как наплывы свечного воска.

А внутри, среди этой противной жижи, была... курица?

Серильда осмелилась подойти на шаг ближе. Это существо выглядело в точности как жирная курица со сложенными крылышками, забившаяся в дальний угол клетки. Ее тело покрывали пестрые перья, огненно-рыжие и голубые, как барвинок, голову венчал белоснежный гребешок. На самом деле, для курицы это создание выглядело довольно мило. Вот только позади пухлого тела вместо обычного хвоста из перьев красовался змеиный, с красно-синей чешуей. Он обвивал прутья клетки и был длиной в рост Серильды, не меньше.

Еще поразительнее змеиного хвоста оказалось то, что у существа не было глаз. Поначалу Серильда подумала, что его глазницы были пусты изначально, как у нахткраппа, но, присмотревшись, поняла, что глаза у существа *должны быть*, но их выкололи. Раны давно зажили, на этих местах остались только неровные шрамы.

– Еще одно чучело? – шепотом предположил Злат.

Серильда обдумала его предположение.

– Тогда зачем держать его в клетке? – прошептала она в ответ.

Они помолчали, потихоньку приходя в себя.

– А почему мы шепчем? – спросила Серильда, неожиданно почувствовав себя глупо.

– Не знаю, – прошептал Злат в ответ. – Не могу разобрать,дохлая она или просто спит. Но ты посмотри. Что это?

Он указал на бок существа – из-под радужного переливчатого крыла что-то торчало.

Серильда наклонилась ближе.

– Стрела?

Эта картина напомнила ей о рубиновой виверне, висевшей в большом зале, – та тоже была пронзена стрелой, которая ее убила. Серильду кольнула жалость. Закусив нижнюю губу, она осторожно просунула руку между прутьями клетки. Они были такими частыми, что это едва ей удалось.

– Ты уверена, что это хорошая идея? – встревожился Злат.

Серильда не была уверена. Но существо не шевельнулось – даже не вздрогнуло, – когда она схватила стрелу и потянула.

Стрела не подалась.

Серильда поежилась.

– Может быть, лучше оставить все как есть, – с сомнением сказала она. После чего сделала с точностью до наоборот: потянула еще сильнее.

На этот раз ей удалось вырвать стрелу из плоти непонят-

ного создания.

Девушка и Злат ахнули в один голос.

– Прости... – неслышно выдохнула Серильда, когда из раны потекла струйка крови. – Мне очень жаль!

Но... *странное животное даже...* не шевельнулось.

Постепенно Серильда немного успокоилась. Поднесла стрелу к свету, осмотрела черный блестящий наконечник и, пожав плечами, бросила ее на пол.

– Как по-твоему, почему это существо держат здесь? – спросил Злат. – А не в зверинце?

– Понятия не имею. Я даже не знаю, кто это такой.

После долгой паузы Злат ответил:

– Легендарный курозмей.

Не удержавшись, Серильда прыснула и оглянулась на Злата. Тот ответил озорной улыбкой.

– А что? Версия ничуть не хуже других.

Покачав головой, Серильда повернулась к клетке.

И закричала.

Злат, вскрикнув, прижал ее к себе. Вместе они отскочили назад.

Потому что в тот миг, когда они отвлеклись, существо сдвинулось с места.

Не издав ни единого звука – ни жалобного вопля, ни шелеста перьев, ни чавкающего звука шагов по месиву на дне клетки, – оно покинуло свой угол и встало прямо перед ними. Не будь существо слепым, Серильда решила бы, что оно

смотрит на них сквозь решетку. Оно их не видело, но склонило голову набок, словно прислушиваясь.

– У кур есть уши? – еле слышно поинтересовался Злат.

– Тише, – шикнула она.

Так началась очень неловкая, очень утомительная игра в гляделки.

Существо не двигалось.

Серильда и Злат тоже.

Девушка не до конца понимала, откуда взялся такой страх, почему все ее нутро вопит, призывая замереть, затаиться. В конце концов, это существо заперто в клетке. У него нет глаз. И вообще – это *курица*. В основном.

И все же Серильду захлестывал непреодолимый ужас, когда она смотрела на заостренный желтый клюв, длинные чешуйчатые пальцы и яркий хвост, бьющий по золотым прутьям. Она не могла этого объяснить, но причудливый маленький монстр вызывал в ней не меньше страха, чем друды, нахткраппы и даже огромные бергейсты. А судя по тому, с какой силой Злат прижимает ее к себе, он чувствовал то же самое.

Наконец, собрав все свое мужество, Серильда откашлялась и пробормотала неуверенное приветствие.

Птица... существо... задвигало головой, совсем как курица, ищущая червяков, – в деревне Серильда на них насмотрелась.

Оно открыло клюв. Но не закудахтало.

Вместо этого оно зашипело.

И плюнуло прямо в них комком слизи, такой же густой и отвратительной, как жижа на дне клетки. Серильда и Злат отпрыгнули. Плевок попал Серильде на край платья.

Парча зашипела: скользкая жидкость прожгла в ней дыру. Она тлела и дымила, наполняя комнату мерзким запахом.

Глаза у Серильды округлились.

За считанные секунды дыра начала расплзаться по юбке. Слизь прожгла первый слой роскошной плотной ткани, разъедая замысловатый узор из золотых лилий. Дыра ползла все выше и выше, открывая щиколотки Серильды, потом колени, обнажая нижнюю юбку. С криком она отпрянула от клетки, но вот вырваться из собственного платья было труднее.

– Злат! – в отчаянии закричала девушка, когда капля яда коснулась нижней юбки, и она тоже начала рассыпаться в пепел. – Помоги! Я должна его снять!

Она не успела даже договорить, а Злат уже начал распускать шнуровку на спине платья.

– Отрежь подол! – взвизгнула Серильда, наблюдая, как истлевет ткань. Пепел поднялся выше ее коленей. Скоро он доберется до бедер, потом до талии, а потом и до кожи. – Злат!

– Мне нечем резать! – проорал он, суетливо дергая завязки. – Почти готово. Почти.

Последний рывок. Завязки на лифе были распущены, Се-

рильда высвободила руки из рукавов, и Злат стянул платье вниз. Девушка упала на пол, стремясь поскорее выпутаться из ткани подола. Как только Серильда сбросила с себя тяжелое парчовое платье, она принялась срывать муслиновую нижнюю юбку, тоже изъеденную ядом. Она отшвырнула обугленную материю. Платье упало на тонкую занавесь над клеткой и на глазах у Злата и Серильды растворилось совсем. Потом истлела и муслиновая юбка, а следом за ней и ткань занавеси.

В считанные минуты было уничтожено все.

До последней ниточки.

Серильда и Злат отступили к двери и остановились там, задыхаясь. В воздухе повисла едкая вонь, обжигающая горло.

Только после того, как все закончилось, маленькое существо снова улеглось, нахохлилось, распушив перья на груди, и несколько раз удовлетворенно взмахнуло длинным хвостом.

– Что ж, – дрожащим голосом заметил Злат, – я думаю, это объясняет, почему его не держат в зверинце.

У Серильды вырвался пронзительный истерический смех. Они со Златом переглянулись.

Не то забыв про друд, не то без слов решив, что кошмары – меньшее из зол, они открыли дверь и дали стрекача.

Но, не пробежав и нескольких шагов по залу богов, Серильда остановилась как вкопанная.

– Постой, Злат! – крикнула она, хватая его за руку. – Не могу же я так туда спуститься. Посмотри на меня.

Злат дважды скользнул по ней глазами, вверх и вниз, прежде чем в его взгляде блеснуло осознание.

– Охота еще не вернулась.

Серильда вздохнула.

– Да, знаю, но здесь и без охотников хватает темных, которые рады будут донести королю, что я носилась по замку в одних панталонах!

Лицо Злата озарила веселая ухмылка.

– Ты могла бы положить начало новой моде.

– Будь серьезнее. – Она стукнула его по плечу.

– Все было бы гораздо проще, если бы ты почаще тренировалась, чтобы... – Он щелкнул пальцами и исчез.

Недовольно закатив глаза, Серильда обернулась, совершенно уверенная, что Злат сразу появится с нею рядом.

Но он не появился.

Хмурясь, она описала круг, огляделась.

Злат не вернулся.

Серильда недовольно хмыкнула.

– Злат!

Никто не ответил.

Всплеснув руками, она фыркнула и сердито уставилась на одного из ближайших богов. Просто так, без причины – не считая того, что кроме богов ей некого было винить в нынешнем затруднительном положении. На витраже была изоб-

ражена Сольвильда, богиня неба и моря, дующая на паруса большого корабля, наполняя их ветром. Художник изобразил богиню величественно, как и других – в развевающихся одеждах, цвет которых переходил от малиново-красного к нежно-голубому, как небо на восходе солнца, и в жемчужной короне, ярко выделяющейся на ее темной коже. Однако Серильде казалось, что Сольвильде подошла бы более удобная одежда – просторная рубаха, удобные бриджи да кожаные ремни для ношения всех ее важных вещей. Компасов, телескопов и тому подобного. Она всегда представляла Сольвильду одетой на пиратский манер.

– Просите, и дано будет вам.

Она обернулась. Злат стоял рядом, со свертком бордового бархата в руках.

Серильда готова была заплакать от облегчения.

– Спасибо.

– Не за что. Я надеялся, что удастся покопаться и в твоём нижнем белье, но там сидели близнецы – устали на меня, как два совенка. Дети – страшные создания. – И Злат наигранно вздрогнул.

Серильда закатила глаза. Злат вечно притворялся, что дети его пугают, а сам первым бросался к ним, стоило пятерке заскучать. Первым успевал похвалить Анну, когда та демонстрировала умение стоять на руках, первым хватал за руку Гердрут, если девчушка пугалась. Серильда не раз задумывалась, отчего он так ладит с малышами. Ей казалось, это

связано с чем-то, спрятанным глубоко в его душе, – со стертой памятью о том, как он заботился о младшей сестричке.

– Ты бы не посмел тронуть мое белье, – без особой уверенности сказала она, выхватывая платье у него из рук.

Злат неопределенно пожал плечами.

– Подумал, что тебе может понадобиться что-то взамен... этого. – Он сделал неловкий жест в сторону ее ног.

– Нижняя юбка? – Девушка вздохнула. – Мне придется обойтись без нее. Отвернись.

Злат удивленно поднял брови, не отводя глаз. Веснушки заметнее проступили на щеках, тронутых румянцем смущения, зато в его взгляде было что-то дерзкое. Или плутовское. Серильда кожей почувствовала, как в воздухе между ними вспыхнула и повисла тысяча невысказанных слов.

Они так ни разу и не говорили о том, что произошло между ними тогда, в ту третью ночь, когда Серильде снова велели прясть золото из соломы. В ту ночь, когда его поцелуи оставляли жгучие следы на ее шее. В ту ночь, когда она без колебаний позволила ему увидеть себя без нижней юбки, без панталон... без всего.

Но сейчас Злат не стал настаивать.

Он чуть заметно улыбнулся одними уголками рта и отвернулся лицом к стене.

– Дай знать, если тебе понадобится помощь, – сказал он.

– Сама справлюсь, – пробормотала Серильда. Ее пальцы подрагивали от воспоминаний и желаний, которые не остав-

ляли ее ни на миг.

– Как вам будет угодно, – отозвался Злат. – Но я же знаю, королевы быстро привыкают к тому, что их одевают, ухаживают, балуют... – Он театрально развел руками. – В общем, хочу, чтобы вы знали, что я к вашим услугам.

– Перестань болтать, Злат. – Теперь Серильда покраснела уже всем телом.

Ответом ей был смех.

Сорвав с себя остатки нижних одеяний, Серильда втиснулась в принесенное Златом платье. По коже бежали мурашки от воспоминаний о том, как когда-то по ней путешествовали его пальцы. Под коленками. По чувствительной нежной коже на ребрах.

Она яростно тряхнула головой, расправляя и разглаживая ткань платья.

– Ладно, можешь поворачиваться. Затянешь шнуровку?

– Ах, так моя помощь все-таки нужна?

Серильда закатила глаза.

– Ты несносный.

– Но, кажется, все равно тебе нравлюсь.

Помолчав, Серильда оглянулась через плечо и, снова посмотрев на Злата, поймала руку, которая тянулась к шнуркам у нее на спине. Она выдержала его взгляд, и парень застыл, дразнящий блеск в его глазах исчез.

– Да, Злат, – серьезно сказала Серильда. – Да, очень.

Его рот приоткрылся, но она не дала ему возможности от-

ветить. Девушка потянулась вперед и прижалась губами к его губам, пытаясь наполнить поцелуй всеми теми словами, произносить которые ей не дозволялось. Она могла быть женой Эрлкинга, но любила *его*. Только его.

Когда Серильда отстранилась, глаза ее были полны слез. Злат наблюдал за ней со странным выражением, полным одновременно надежды и горя.

Не говоря ни слова, Серильда повернулась к нему спиной. Она испытала и облегчение, и разочарование, когда Злат затянул ей шнуровку – так сдержанно, как только мог благородный господин. Он не позволил себе даже провести кончиками пальцев по треугольничкам обнаженной кожи или коснуться шеи. Не наклонялся ближе, щекоча ухо Серильды своим дыханием. Не обнял ее сзади и не принялся распускать шнуровку заново.

И все то, чего он не сделал, заставляло Серильду кипеть от тоски, которую она последние месяцы прятала глубоко-глубоко внутри.

– Вот и все, – только и сказал Злат, тихонько отступая назад.

Серильда снова повернулась к нему.

– Спасибо.

Должно быть, Злат прочитал все в ее глазах. Должно быть, он и так понимал. Она не смогла скрыть от него свое желание, даже если бы попыталась.

Его глаза потемнели, но в кои-то веки он не нашелся, что

сказать.

Серильда сглотнула.

Они здесь совсем одни.

Никто не узнает, если она украдкой еще раз поцелует его.

Еще раз обнимет.

Никто не должен узнать.

Серильда сделала шаг вперед.

– Злат, я...

– Тебя ждут, – перебил он, кладя руку ей на плечо. Не для того, чтобы притянуть ближе – наоборот, чтоб удержать на расстоянии.

Серильда замерла.

– Что?

– Дети. И все остальные. Они ждут твоего возвращения. –

Злат мимолетно улыбнулся. – Мы же не хотим, чтобы они беспокоились.

Глава 14

– Готовьте собак, – приказал Эрлкинг, сидящий на своем вороном скакуне. – Охотники, на изготовку.

Он пришпорил коня, поднял голову и встретился глазами с Серильдой. Но взгляд был мимолетным. В следующий миг завыли гончие, и вниманием Эрлкинга целиком завладело представление.

Девушке было ужасно скучно, к тому же все время приходилось напускать на себя царственный вид. Не зевать. Не ерзать. Ни намеком не показывать, что ей хочется оказаться где угодно, лишь бы не здесь.

Тем более что она сама, как и охотники, была частью спектакля.

В честь первого появления королевы на состязании Эрлкинг приказал построить высокие помосты с большим навесом и мягкими бархатными скамейками. Плотники трудились над ними всю ночь напролет. Там-то теперь и сидела Серильда. Она провела здесь большую часть дня, в обществе пятерки своих маленьких компаньонов и толпы призраков, предлагающих ей чаши с водой, фрукты и блюда с нежными сдобными булочками. И все было бы неплохо, не сиди она у всех на виду, как павлин в зверинце.

Потому что ее окружали не только добродушные призраки. Нет, вовсе нет. Вокруг Серильды сидели еще и придвор-

ные короля. Глаза этих прекрасных жестоких существ следили за каждым ее движением, и до девушки то и дело доносился их тихий, издевательский смех.

Серильде было наплевать, что они о ней думают. Но она до смерти устала постоянно чувствовать себя так, будто она в яме с адскими гончими ждет, когда они устанут играть с ней и наконец сожрут.

Внизу охотники выстроили своих лошадей вокруг арены, которая на самом деле представляла собой просто большую поросшую деревьями часть сада, огороженную забором.

– Давайте устроим незабываемое зрелище, – обратился к ним Эрлкинг. – Я бы не хотел, чтобы вы опозорились перед своей королевой.

Хотя голос его прозвучал вполне серьезно, даже со своего высокого насеста Серильда отлично слышала ехидные смешки охотников. Кто-то из темных, сидящих на бархатных скамейках, бросал на нее косые взгляды.

– Мне скучно, – простонала изнывающая Анна, подперев руками подбородок. – Сколько нам еще здесь сидеть?

– Недолго, – соврала Серильда.

– Час назад ты тоже так говорила. – Анна пнула ногой ограждение. – Когда они заканчивали стрелять из лука.

– И за час до того, – вставил Фриш, – когда они торжественно водили своих собак по кругу, как дорогих пони на выставке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.